

18+

БОРИС ВАРАКСИН

Абзац

Борис Вараксин

Абзац

«Издательские решения»

Вараксин Б.

Абзац / Б. Вараксин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981940-6

Эта книга для тех, у кого нет времени на чтение романов (любовных и исторических), учебной, публицистической и философской литературы, исследований по экономике и машиностроению, кому нет дела до естественных наук и информационных технологий, до лампочки медицина и сельское хозяйство. В общем, книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-981940-6

© Вараксин Б.
© Издательские решения

Содержание

Нашествие	7
Забота о ближнем	8
Безнал	9
Сказочники	10
Остров Ситэ	11
К спорам о том, были ли американцы на Луне...	13
Достали	14
Конкурс	15
Испытание	16
О, счастливец!	17
В далёком прошлом	18
Связь поколений	19
О детском мировоззрении	20
На съёмочной площадке	21
Абзац	22
С лёгким паром!	23
Детектив	24
Диверсант	25
Палач	26
Титаник	28
Странное происшествие	30
Время и мы	32
Раздвигая время	33
Пробуждение	35
Первый раз в первый класс	36
Бэтмен	37
Надежды наши	38
Пирамиды	39
Сила искусства	40
Золотая рыбка	41
Вундеркинд	42
Каникулы	43
Классика	44
После урока	45
Сила воли	46
Открытие Америки	47
Винегрет	48
О пользе физкультуры...	49
Второгодник	50
Книголюб	51
Физрук	52
Симпатия	53
Подарок	54
Чёрный человек	55
Голубь	56
Каплидатскогокороля	57

О котах	58
Комбайн	59
Скатерть-самобранка	60
О коньках-горбунках	61
Возвращение	62
Из звёздного далека	63
Реальность бытия	65
Чистилище	66
Беня и самолёт	67
Александрийская библиотека	68
Саладин	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Абзац

Борис Вараксин

© Борис Вараксин, 2020

ISBN 978-5-4498-1940-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нашествие

Никто не знал, откуда они взялись, с какой планеты. Кто-то назвал их гуманоидами и название прижилось. Забавные зелёные человечки размером с огурец... Они тихо заполняли земное пространство и, в общем-то, никому не мешали. Очень скоро учёные выяснили, что космические пришельцы не наносят никакого урона флоре и фауне, ибо питаются исключительно фотосинтезом. А Солнца пока хватало на всех.

Николай Иванович сидел на крылечке и наблюдал за космическими странниками. Те были одинакового размера и до ужаса походили друг на друга: тонкие ручки, тонкие ножки, вместо носа – присоска. Говорят, с её помощью они облепляли свои летательные аппараты и так и странствовали по космосу. Чем-то земные условия им приглянулись и они начали здесь массово селиться.

Гуманоиды сбивались в стайки и шустро перемещались за солнечными лучами. Набежит облако – они замирают, начинает проясняться – они устремляются за просветлением. И так – всё время.

Николай Иванович невольно задумался о выгодности такого образа жизни. Не нужна ни пенсия, ни забота о дне насущном. Вот и ему бы так...

Только так подумал – в голове тут же ощутилось чьё-то присутствие. Кто-то посторонний принялся уточнять, насколько серьёзны его намерения начать новый образ жизни. Николай Иванович не стал вникать в сущность задаваемых вопросов и со всем согласился.

Сразу улучшилось здоровье. Прошло колено, распрямилась спина, исчезла ломота в суставах. Дышать стало легко и свободно. Захотелось подпрыгнуть и куда-нибудь переместиться.

В этот момент закипел чайник и он метнулся на кухню. По дороге взглянул на себя в зеркало. Оттуда глянуло нечто непонятное: зеленеющее и быстро уменьшающееся в размерах. Николай Иванович ахнул, но было уже поздно: на месте носа подрагивала присоска, а тонкие ручки сделались гибкими и эластичными. В следующую секунду он забыл про зеркало и выбежал во двор вслед за убегающим солнечным лучом.

Забота о ближнем

Гаврилыч проснулся от того, что кто-то ковыряется в его правой ступне. Выглядел этот «кто-то» весьма странно: зелёный, да ещё и полупрозрачный. «А не прогнать ли мне его?» – лениво подумал Гаврилыч и обратил внимание, что и сам он какой-то не такой: розовый с сиреневым отливом и тремя ногами.

Насчёт последнего насторожился. Три ноги – это перебор. В смысле вчерашнего... Нет, всё-таки ног было две, а третье – это что-то другое, чего он отродясь не видал. Впрочем, видел, но только у слона... Или у жирафа... Хотя нет, у жирафа была шея – длинная и пятнистая. Здесь же пятен не наблюдалось.

Осторожно потрогал *это*. Никакой реакции. Как не родное. Всё это время «зелёный» занимался своим делом, вкручивая что-то в Гаврилычеву пятку. Наконец, закончил и принялся отматывать провод. Гаврилыч напрягся, потому что «зелёный» явно продвигался к розетке. Больше того, выяснилось, что на конце у провода штепсель! Тоже какой-то не такой: подозрительного голубого цвета, да ещё и в горошек.

Тем временем, «зелёный» всунул штепсель в розетку. По телу Гаврилыча разлилась мелкая дрожь, а загадочный орган зашевелился. Захотелось его почесать, но «зелёный» осадил суровым взглядом. Стало понятно: нужно терпеть.

Между тем, токи разыгрались не на шутку. Зуд сделался невыносимым. По телу побежали мурашки, одна из которых заскочила на *это*, обретшее невиданную упругость, и после нескольких шагов упала навзничь. «Зелёный» выдернул штепсель.

Гаврилыч почувствовал облегчение, а *это* прямо на глазах начало уменьшаться, пока не исчезло совсем.

«Что это было?» – озадаченно подумал Гаврилыч и отключился.

Наутро Гаврилыч был, как огурчик. Чертовски хотелось сделать утреннюю гимнастику (чего с ним никогда не случалось), принять душ и вообще – начать жизнь с нуля. Окинул себя взглядом и не нашёл отклонений. Только на правой пятке была царапина. Видать, на гвоздик наступил...

Безнал

Со вчерашнего дня в стране окончательно отменили наличные деньги. Теперь – только через терминал. Суёшь в него палец – и на экране высвечивается: кто ты, каков твой творческий потенциал и, соответственно, прожиточный минимум. После чего выдаётся стакан сметаны и компот (если большего не заслужил).

Пахом съел сметану, выпил компот и не наелся. Сунул палец ещё раз. Машина повторно просканировала папиллярные узоры и сообщила, что состояние здоровья клиента позволяет ему съесть ещё две сушки. При этом получателю пищи следует обратить внимание на правый надпочечник, озадачиться состоянием паховой грыжи и со всей серьёзностью отнестись к желудочным коликам, готовым заявить о себе в любой момент.

Пахом понял: «за просто так» ему ничего не светит и, оглядевшись по сторонам, приставил к загрузочному механизму нож.

Огоньки лихорадочно забегали и на лоток упал кусок краковской колбасы.... А после некоторой паузы – и спелый плод манго...

На скулах едока, возмущённого таким отношением, вздулись желваки, глаза грозно засверкали. Автомат издал жалобный звук, потом скрежет, после чего в лотке показался кусок чёрного хлеба.

Пахом принюхался: «Бородинский»! Удовлетворённо хмыкнул и продолжил трапезу.

Сказочники

Первый сказочник, которого я помню, появился в старшей группе детского сада. У меня были голубенькие туфельки и голубенькие же бантики. И он «запал».

По нерадивости своей родители постоянно забывали взять меня из садика вовремя, поэтому я была вынуждена их поджидать в обществе молоденькой нянечки Шурочки. Приходил дворник Жора и начинал рассказывать сказки. Шурочка громко смеялась, совершенно не врубаясь, что Жоре она абсолютно без надобности. Ну, кому нужна такая глупая хохотушка? Зато я часто ловила бросаемые на меня взгляды. Жора был застенчив и я всё никак не могла придумать, как бы его подбодрить.

Следующий сказочник объявился во втором классе. Правда, сказки у него были какие-то странные. То учебником хлопнет меня по голове, то дневник стащит и ждёт, чтобы я к нему обратилась. Но я нашла на него управу в лице пятиклассника Пети. Кстати, в то время я уже предпочитала розовый цвет: как туфелек, так и бантиков. Петя тоже был не в меру застенчив и классу к четвёртому в сказочниках у меня ходил уже Серёжа из 8-го «Б». Но и он долго не продержался ввиду однообразия рассказываемых им сказок.

Число сказочников множилось на глазах. Возможно, оттого, что я теперь предпочитала белый цвет, а может, и оттого, что мне разрешили надевать нейлоновые чулочки.

Дальше мне рассказывать трудно, потому что число сказочников превысило все допустимые нормы. Учителя физкультуры даже уволили из школы. Так что сказочников мне всегда хватало и я уже начала подумывать о каком-нибудь прозаике. И представьте себе – встретила. Как же я обрадовалась: теперь будет о чём поговорить! И что вы думаете? В первое же серьёзное свидание он начал... рассказывать сказки. А то я ничего не понимаю!

Остров Ситэ

Привлекло название турфирмы: «Квазимодо». Решив, что здесь есть какая-то связь с теоретической физикой, Михаил решил зайти.

Встретили его хорошо и сразу предложили практически бесплатные туры в Шарм-эль-Шейх, Хургаду и на остров Бали. Однако, заметив нерешительность на усталом интеллигентном лице, предложили отправиться в круиз по Средиземноморью с посещением исторических памятников Европы. Поняв, наконец, что имеют дело с личностью неординарной, шёпотом предложили абсолютный эксклюзив. Типа – того... Предложение заинтересовало и Михаил согласился.

Отправиться можно было прямо из соседней комнаты. Усадили на стул, завязали глаза. Всё стихло.

Минуты через две вокруг что-то неуловимо изменилось и Михаил стянул повязку.

Обстановка и впрямь показалась экзотической, сильно напоминающей захлащенный чулан. Однако, выяснить подробности не успел, ибо дверь распахнулась и в комнату ввалился вусмерть пьяный человек. Рухнул навзничь и захрапел.

Физик-экспериментатор, предпочетший экзотике южных морей нечто, несравненно более интересное, выглянул наружу.

В зале, сильно напоминавшем таверну из фильма про Буратино, стоял невообразимый гвалт. Публика была весьма своеобразная: грубая одежда, бешеные эмоции. Язык, на котором изъяснялись сии подозрительные персонажи, был вроде как французский (наш герой немного владел им), но понять что-либо было трудно. Видать, местное наречие.

«Куда я попал?» – подумал Михаил и вспомнил намёки турагента. Типа, побываете в местах, весьма отдалённых, и не только физически... «Уж не отправили ли они меня в прошлое? От этих деятелей всего можно ожидать».

Догадка требовала подтверждения. И только личное общение могло внести какую-то ясность. А коли так...

Михаил решительно шагнул в наполненное жуткими запахами пространство.

Встретили его, как родного: усадили на лавку (при этом один из членов компании, беспробудно спавший на столе, был бесцеремонно отправлен в угол), трактирщик принёс огромную кружку какого-то напитка и понеслось...

Когда пиршество подходило к концу, Михаил уже знал: находится он на острове Ситэ что в городе Париже, за окном XIV век. Напитки, коих было выпито немало, произвели удивительный эффект: он начал прекрасно понимать своих собутыльников и даже пытался им втолковать что-то насчёт инфракрасного излучения. Те же упрямо переводили разговор на обсуждение амурных походов своего короля.

Перед последним походом в винный погреб трактирщик заинтересовался платой за выпитое и съеденное. Почему-то все посмотрели на Михаила, причём взгляды их трудно было назвать добрыми. Михаил порылся в карманах и извлёк пару тысячных купюр, не произведших на трактирщика никакого впечатления. С купюрами на свет появился и мобильный телефон со светящимся экраном (вследствие неловкого движения руки). И по загоревшимся глазам работника общепита физик-экспериментатор понял, что спасён. Мало того, получив удивительную штучку, издающую ещё и приятные звуки, трактирщик выставил на стол такое, что шансов остаться на ногах у путешественника во времени не осталось никаких.

Последнее, что он ещё как-то запомнил – захлащенный чулан и какой-то чувак, занимающий слишком много места на полу.

Очнулся Михаил в офисе турфирмы. Не сразу понял, где он. Ему помогли подняться, довели до двери.

Дома хватился мобильного. Его нигде не было. Хотел было вернуться, как вдруг зазвонил домашний телефон. Кто-то на знакомом наречии пытался что-то выяснить. Михаила прошиб холодный пот и он в ужасе бросил трубку.

К спорам о том, были ли американцы на Луне...

Стэнли Кубрик был вне себя. С этими астронавтами ни о чём нельзя договариваться. Условились же: он со своими причиндалами прибудет заранее, всё наладит: осветительную аппаратуру, видеокамеры... Дело астронавтов – не опаздывать. Только и всего! А что в результате? Третий день съёмочная группа торчит на этом грязном пяточке в окружении кратеров и не знает, чем ей заняться! А парни из NASA и не думают прилетать! Безобразия!

На горизонте показался спускаемый аппарат. Вёл он себя как-то странно: то влево клюнет, то вправо... Наконец, прилунился и из него показалась... физиономия Нила Армстронга. А где Майкл Коллинз? Ведь именно он, как наиболее фотогеничный, должен был стать первым астронавтом, ступившим на поверхность спутника Земли. Так договаривались!

– Нил, где Майкл?

Нил обескуражено развёл руками. Оказалось, Майкла оставили на окололунной орбите отсыпаться. Говорили же: троих не посылать. Гиблое дело. Обязательно «сообразят». Так и случилось.

Пришлось снимать, что есть. Но настроение было испорчено. Запечатлев нетвёрдые шаги соотечественника по заветной мечте человечества, смотал плёнку и дал команду: «Сваливаем!» Киношники быстро погрузились в корабль, любезно предоставленный спонсором проекта компанией «МакДональдс», и дали по газам. Они так торопились, что даже забыли сфотографироваться с бигмаками в зубах...

Достали

Борт №1 набрал высоту. Единственному пассажиру принесли традиционный ячменный кофе и хот-дог. Глава самого демократического государства в мире опасно огляделся по сторонам и попросил принести что-нибудь поприличней.

На столе появились искрящееся шампанское, ломтики осетрины, чёрная икра в хрустальной вазочке и фрукты. «Эх, как же всё-таки хорошо побыть одному, без риска оказаться под прицелом какого-нибудь папарацци» – подумал гарант Конституции и приготовился к трапезе.

Он знал, о чём думал. Совсем недавно, по забывчивости, вышел на балкон Белого дома в любимых трусах в горошину – и пожалуйста: выяснилось, что точно такие же были замечены на министре обороны одного непризнанного государства. Но это ещё не всё. Стоило начать давать объяснения, как тут же вскрылось, что у министра иностранных дел другого, теперь уже признанного мировым сообществом государства (дамы, между прочим) точно такой же бюстгальтер. Разразился скандал. Запахло импичментом. Пришлось срочно спасать репутацию, для чего предъявить фото, на котором запечатлены президент с супругой, играющие в бадминтон.

Президент пригубил вина и поднёс ко рту ломтик осетрины. Вспышка прорезала салонный полумрак. Откуда-то из-под дивана выскочил торжествующий молодчик с фотоаппаратом и бросился к выходу. Глава Белого дома только и успел, что проводить взглядом удаляющийся парашют. Завтра всему миру станет известно, что в то время, как миллионы несчастных умирают от голода, он, президент самой демократической страны в мире, ест икру ложками и запивает шампанским. «Эх, пропади оно всё пропадом!» – подумал раздосадованный политик и, раскрыв маленький чемоданчик, нажал на красную кнопку.

Конкурс

Как же он любил свои розы! Нежные, источающие тончайший аромат. Особенно хороши они были ранним утром, когда капельки росы покрывали трепещущие лепестки искрящейся россыпью, а благоухание становилось просто божественным. Наблюдать же, как раскрываются упругие бутоны, было и вовсе высшим наслаждением.

Пришло приглашение на конкурс цветоводов-любителей «Колючая красота». Джон Синклер вертел в руках конверт и волновался. Конечно же, он поедет в Техас и люди со всех концов любимой Америки увидят чудо, которому он посвятил лучшие годы своей жизни. Увидят – и восхитятся!

Старенький пикап заполнен под завязку. Вот и Хьюстон, выставочный комплекс. Море, целое море цветов! Каких здесь только нет...

Джон дрожащими от волнения руками выставил своих любимцев под палящее солнце. Несколько человек скользнули равнодушным взглядом по его сокровищу. Ожидаемый ажиотаж никак не начинался.

И вот, наконец, объявили результаты конкурса:

– Первое место и денежный приз в размере ста тысяч долларов присуждается... Биллу Смит, штат Техас, с его замечательной, великолепной, неподражаемой, фантастически прекрасной коллекцией мексиканских кактусов. Bravo, мистер Смит!

У Джона померкло в глазах:

– Как? Но ведь его розы – лучшие в мире! Какие кактусы?

Слезы хлынули из глаз. Он больше не желал оставаться здесь ни минуты. Проклятая Америка, как ты могла!

Вернувшись домой, Джон Синклер приступил к разведению тыкв. Розы с тех пор он не мог даже видеть.

Испытание

Погода была ужасной: снег с дождём, порывистый ветер... Электричество вырубилось и дом погрузился во мрак. Сидеть в темноте не хотелось и Иван Ильич, проклиная всё на свете, спотыкаясь о коробки с мусором, детские коляски и велосипеды, спустился со своего пятого этажа и направился в ближайший кинотеатр. Очень скоро ботинки промокли насквозь, а у их владельца зуб на зуб не попадал.

Вот и цель похода. Купив билет, прошёл в зал.

Зрителей было немного. Пригревшись, Иван Ильич задремал и начало некоего детективного триллера пропустил. А когда проснулся, фильм был уже в разгаре. Пришлось догонять, на что понадобились немалые усилия. И лишь к концу фильма стало что-то проясняться. Оставалось совсем немного, когда до него дошло: ну, конечно же, как он сразу не догадался? Это же...

И тут его словно током ударило. Он вспомнил! Когда вырубали в доме свет, он гладил свои новые брюки. И уют...

Ивана Ильича как ветром сдуло. Домой он буквально летел. Сердце – как сумасшедшее, лёгкие – как насосы...

Промчавшись три квартала, свернул за угол и...

Дом как был, так и стоял погружённым во мрак. Ноги подкосились и Иван Ильич рухнул на заснеженную лавочку. Холода он даже не почувствовал...

О, счастливчик!

Семёна Петровича можно было бы спокойно занести в список чудес света. Возможно, и под №1. Сами посудите. Если б посреди зимы случился дождь, на дороге – яма, время – за полночь, а на тротуаре – единственный прохожий, то это непременно оказался бы Семён Петрович и именно его окатило бы грязью с головы до ног.

На нём заканчивались билеты на самолёт и на поезд, у междугороднего автобуса лопалось колесо, электричку загоняли в тупик, а маршрутку отправляли на штрафстоянку. Завидя Семёна Петровича, рыбаки сматывали удочки, грибники бросали корзины с опятами, пожарники хватались за брандспойты, а полицейские писали рапорты на увольнение. На нём прекращались распродажи и взвинчивались цены, ему втюхивали фальшивые доллары и впаривали рубли образца 1961 года. Он давно махнул на себя рукой и лишь опасался чего-то совсем уж сногшибательного.

В то утро из-за чудовищного скачка напряжения, сжегшего все электроприборы, отключили воду и Семён Петрович пошёл на работу неумытым. Возле забитого мусоропровода валялась газета на иностранном языке. Чисто инстинктивно поднял её.

Из газеты выпал лотерейный билет. Взглянул на номер. В глазах потемнело. По Евро-ньюс говорили именно про этот билет и фантастический джек-пот, выпавший на него. Номер так и врезался в память. Поняв, что сейчас случится землетрясение, на дом упадёт самолёт или начнётся вторжение инопланетян, Семён Петрович скомкал билет и в одно мгновение его проглотил. Кажись, пронесло...

Идя к автобусной остановке по тропинке, протоптанной через сквер с развесистыми тополями, услышал воркование голубей, поднял голову и... пожалел, что воду ещё не включили.

В далёком прошлом

Йё-йё протиснулся в пещеру. Здесь было уютно и тепло. Толпа сородичей священнодействовала над телом огромного налима, пойманного вчера.

То была добрая рыбалка. Йё-йё сумел ловко ткнуть острой в толстый бок ленивого пресноводного, даже не удосужившегося отплыть поглубже при приближении к нему венца творения природы, и теперь этот легкомысленный субъект доедался благодарными соплеменниками. За что Йё-йё и выделили отдельный уголок пещеры, в котором отныне он мог пребывать сколько угодно без опасения быть выставленным на улицу за несоблюдение звукового режима и прочих санитарно-гигиенических норм. Но прежде в этой его практически отдельной квартире следует произвести ремонт. Хотя бы косметический. А то приведёт женщину – и что она увидит? Облезлые стены? Убежит сразу! К тому же Йю-йю, у которого всё о'кей.

Йё-йё принялся здоровенным камнем сбивать сталактиты и сталагмиты, ровнять стены. В одном месте монолит дал трещину и Йё-йё, воспользовавшись удачей, попытался расширить жилое пространство.

Он так в этом усердствовал, что на третий день прибежала межплеменная инспекция и потребовала это дело прекратить: в соседней пещере упал сталактит и прищемил ногу племяннику вождя. За повреждение капитальной стены Йё-йё приговорили к штрафу – общественным работам. И две недели он, как проклятый, строгал палки для забора вокруг входа в пещеру.

Наконец, ремонт окончен. Йё-йё смахнул со стен последние частицы горной породы и в качестве вешалки прикрепил рога горного козла.

Снаружи послышался шорох. Йё-йё выглянул. Там уже толпились женщины. Стало ясно: в чём-в чём – а в рогах у их благоверных недостатка не будет.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

– Ну, внучек, слухай сюды. Сейчас я расскажу тебе сказку. Страшную!

– Деда, ты меня уже достал! Ну, чё ты гонишь? Все твои ужасы сводятся к острым клыкам и цепким когтям. Пойми – это не актуально! Твои заморочки – для слабонервных и недоразвитых. А я кубик Рубика за 12 секунд собираю. Вот ты за сколько его собираешь?

Дед обескуражено чешет в затылке. Ну, не признаваться же, что он этот самый кубик последние 3 года по ночам складывает. И что характерно – искомая комбинация пока так и не случилась...

– Ты чё, боишься, что ежели мне что-нибудь интересное не расскажешь, то потеряешь в моих глазах всяческий авторитет? Не парься, деда. У меня один авторитет – сыщик Коломбо. Вот человек! Всех насквозь видит...

Деду стало стыдно. Ведь он не знал человека, удостоившегося внимания его продвинутого внука. Видать, классный парень, не отстой какой-нибудь. Что-то вроде Рэмбо, только ещё круче. Типа Шварценеггера... Или Траволты... Такой чувак! А ещё там негр был, с пушкой. Кого грохнуть – его зовут. Безотказный мужик! Мозги по всей стенке обеспечены.

Размышления любителя вестернов прервал голос супруги, звавшей любимого внука послушать сказку на ночь. Тот скептически фыркнул и покачал головой. Лучше б она предоставила в его распоряжение аутентичный перевод последнего романа Мо Яня. Нобелевский лауреат, как-никак...

О детском мировоззрении

Ваня был очень восприимчивым ребёнком. И когда, к примеру, волк съел семерых маленьких козлят, он заплакал. Козлята были симпатичные и совершенно безвредные. И они так весело блеяли и прыгали на лужайке...

Было абсолютно непонятно, зачем их столь решительным образом ликвидировать. К тому же, поведение серого хищника было нелогично и в бытовом плане. Он мог проявить и *большую* предусмотрительность и не проглатывать за один присест сразу всех, а только одного, максимум – двух. Процесс пищеварения в любом случае занял бы какое-то время и остальные подопечные оголодавшего живоглота немного бы подросли. Бессмысленное и бессистемное уничтожение поголовья мелкого рогатого скота приводило в недоумение. Неужели у серого разбойника была настолько отлаженная система продовольственного обеспечения, что он мог не думать о завтрашнем дне? А если эти козлята последние? Переходить на берестяную кору? Кстати, семеро в одном желудке – по любому многовато, в том числе, и для пищеварения. Так и до несварения недалеко...

К счастью, разум возобладал и хищник согласился на хирургическое вмешательство ради избавления от излишков продуктов. В результате козлята оказались на воле и дружно бросились к маме. И как же Ваня был этому рад!

На съёмочной площадке

– Стоп-стоп-стоп! Кто оставил BMW возле каретного сарая? Вы что, рехнулись? У нас XVIII век! И уберите из кадра водокачку!

Так, мотор, поехали... Кто вызвал мотор? Чего он сюда припёрся? Слышь, парень, вали отсюда! Без оплаты не уедешь? **На** тебе твои рубли... Сколько? Сколько-сколько? Сейчас такие цены? Ни фиги себе! Ну, ладно... И почему я не таксист?

Продолжим. Камера начинает медленно двигаться... Актёры улыбаются... Улыбаются... Актёры, где ваши улыбки? Так, хорошо... Стоп! У кого зазвонил мобильник? У тебя, Степанова? А ты знаешь, что мобильников в XVIII веке ещё не было? И что у тебя в ухе? Да не в этом, в другом. В этом у тебя страз. Блютуз? Час от часу не легче... Кстати, тебе не кажется странным, что у пастушки в ушах стразы? Так красивше? Я подарил? Ну, знаешь, нечего афишировать наши отношения. И... это самое... грудь-то прикрой... Хотя бы левую... Я же просил до съёмок не посещать тату-салон. Тогда, конечно, тоже клеймили, но по-другому. Как? Потом покажу. После работы. Сейчас хочешь? Ну, люди же кругом... Ладно. Объявляется перерыв. Ровно через час – на том же месте. И снимите с кареты стоп-сигналы и номерной знак. Знаю, что ДПС требует. Авось проскочим...

Абзац

Последние три недели пролетели для Аристарха Облучкова как одно мгновение. Роман, до той поры рождавшийся в муках, вдруг обрёл кристальную ясность, персонажи – бесподобную выразительность. Причины произошедшего были не вполне ясны, но кое-какие мысли на сей счёт имелись. И главная: впервые за долгие годы совместной жизни жена уехала в санаторий, а Аристарх остался.

Никогда ещё ему так не работалось. Листы бумаги стремительно заполнялись текстами. Блистательные метафоры рождались по мановению пальца, аллюзии следовали одна за другой. Глубина мысли поражала, чувства хлестали через край. Аристарх ревел белугой – и смеялся захлёб, готов был умереть, как триста спартанцев – и восстать, как феникс из пепла. Ему ничего не стоило низвергнуться в пропасть – и воспарить в вышине, проснуться в логове зверя – и издать боевой клич команчей. Он потерял счёт дням и ночам, практически ничего не ел, а пил лишь воду из-под крана. Исхудал и оброс, в глазах появился нездоровый огонь, в походке наметилось что-то хищное, а давно не стриженные ногти угрожающе зацокали по паркету. Нервы обострились до предела, а воспалённое воображение всё чаще сменялось феерическими галлюцинациями.

И настал день, когда Аристарх сказал себе: «Всё, остался финальный аккорд». Эмоции зашкалили. Сердце ухнуло в пропасть, кровь прилила к вискам мощной волной, сравнимой с цунами. Он уже было занёс перо для последнего, решающего росчерка, как вдруг...

Раздался звонок. На пороге стояла жена. Сразу запахло домашними котлетами и наваристым борщом, тело заныло в предвкушении соприкосновения с выстиранной майкой, а щека – со свежей наволочкой на взбитой подушке. Аристарх ещё минуты две посопровивлялся, но потом смирился:

– Романа не будет. А ведь оставался один абзац!

Встал и уныло поплёлся в ванную. Чистить зубы...

С лёгким паром!

В эту экспедицию Константин Петрович попал случайно. 30 июня они с друзьями по традиции ходят в баню и этот день не стал исключением. На улице было жарко и душно – тем не менее, пришли все.

Пар был хорош. Ну, и как водится в таких случаях... В общем, улететь должен был Жора, а улетел Константин Петрович. В Антарктиду.

Всю дорогу он спал, как убитый и к концу маршрута более или менее пришёл в себя. К моменту же высадки окончательно проснулся и с любопытством поглядывал в иллюминатор. Землю закрывала плотная облачность, светило яркое солнце и рубашка с коротким рукавом в сочетании с шортами казались достаточной защитой от июньского зноя. Правда, бортиженер уже несколько раз с сомнением поглядывал на амуницию Константина Петровича и даже произнёс какие-то слова. Но слышимость была плохая и беспокоиться было не о чем.

По громкой связи объявили: температура минус пятьдесят по цельсию, ветер южный, пятнадцать метров в секунду. Но это относилось явно не к нему. На высоте всегда холодно и придавать значение техническим деталям полёта он не собирался.

Забеспокоился лишь тогда, когда увидел, как лётчики надевают меховые унты и куртки. Дверь распахнулась и Константин Петрович понял, что ошибся адресом. Ноги вмиг посинели, а руки покрылись изморозью. Однако, из-под нахлобученной шапки встречавшей экспедицию симпатичной девушки лет тридцати на него глянули глаза, какие он искал всю жизнь. Под рукой оказался лишь веник, сбережённый для последующих походов в баню. Его-то он и предложил вместе с рукой и сердцем.

Девушка ответила заливистым смехом и у Константина Петровича потеплело на душе. Собственно, ничто другое потеплеть уже не могло, ибо бортиженер, покидая самолёт, не прикрыл за собой дверь.

Девушка оказалась дрессировщицей пингвинов, уже какое-то время подбирающей интересные экземпляры для своей труппы. Окончила университет в Англии, знает шесть языков, включая русский. Таинственный материк стал ей родным домом.

Теперь – всё в прошлом: вьюги, метели, мороз под минус шестьдесят. Её пингины пользуются неизменным успехом у публики. И каждый раз, встречая Константина Петровича с работы, она заливисто смеётся. Уже много лет...

Детектив

Хлопнуло окно. Пламя свечи вздрогнуло и Иннокентий прислушался...

Скрипнула половица...

Чуть дыша, выдвинул ящик письменного стола, достал револьвер:

– Кто там?

Подошёл к двери... Приоткрыл...

В конце тёмного коридора, на лестнице, кто-то был...

Прицелился...

– Буду стрелять!

Что-то тёмное качнулось в его сторону...

Палец инстинктивно нажал на курок.

Грохнуло так, что Иннокентий выронил оружие.

Раздался вскрик и тело с коротким возгласом рухнуло вниз.

Посветил. На полу, ничком – человек. Под ним – чёрное растекающееся пятно. Иннокентию стало плохо.

Человек пошевелился и застонал...

Приподнялся, прижался к стенке...

Иннокентий наклонился к несчастному.

Кровь текла неудержимо, но человек не обращал на неё внимания – что-то искал, запустил руку под рубашку. Наконец, нащупал входное отверстие и, покопавшись во внутренностях, вытащил револьверную пулю... Бросил к ногам полумёртвого Иннокентия:

– Что, парень, теперь знаешь, каково это – убить человека? Принеси-ка водички... Холодненькой... Ну, и тряпочку прихвати...

– А вы... кто?

– Я? Писатель... Романы пишу... Детективные... А ты их читаешь... По ночам, при свече... Чтоб пробрало...

– А зачем вы это... под пулю?

– Да ерунда. Уже привык. Пока на себе не испытаю – ничего написать не могу. А как получу порцию свинца куда-нибудь в область кишечника – сразу всё становится таким убедительным! Не хочешь попробовать? Нет? Вообще переходишь на женские романы? Эх, слаб пошёл читатель.

Иннокентий, плохо соображая, принёс полотенце и стакан воды:

– Может, вызвать «скорую»?

– Не надо. Я в порядке.

Поднялся, подошёл к двери:

– Ну, прощай. Мне сегодня ещё эпилог писать... С эпитафией.

Ухмыльнулся и шагнул за порог. Иннокентий подумал... и пошёл дочитывать детектив. Впереди было самое интересное.

Диверсант

Дверь распахнулась. На пороге стоял он: великолепный, неподражаемый, в элегантном костюме, безупречно начищенных ботинках и ослепительной улыбке.

О-о, как забилося её сердце! Оно готово было выпрыгнуть из груди (способной составить конкуренцию и Бриджит Бардо). В уголках прелестных глаз мелькнула загадочная, как у Джини Лоллобриджи, улыбка, а с обнажённых плеч (ничуть не хуже, чем у Бритни Спирс) сползла накидка из меха – точь в точь, как у Мэрилин Монро. Поджав прекрасные ноги с упругими, как у Наоми Кэмпбелл икрами и коленками, способными пленить и Марчелло Мastroяни, она подалась навстречу поцелую, о котором мечтает каждая женщина. Но он упругой походкой проследовал мимо, к телевизору, и переключил его на последние известия.

Шёл прямой репортаж с места очередной загадочной катастрофы: на глазах у всех под воду ушёл лучший крейсер королевского флота. Играла траурная мелодия, накрапывал дождь, премьер-министр скорбно поджимал губы...

Налил себе стакан виски и залпом выпил: «Чёртова работа. Третий крейсер за месяц! Эти англичане совсем тупые. Этак у них от флота скоро ничего не останется...»

Она распахнула одеяло и, всё ещё надеясь на что-то, призывно протянула руку – прекрасную, как у леди Ди.

Налил второй стакан: «Ну, до дна! За Звезду Героя!»

Она запахнула одеяло и поехала к маме. Какие же они бестолковые, эти русские!

Палач

Никто не знал, откуда у Авдотия Павловича, крупного бизнесмена и глобального инвестора, столько денег. Ходили слухи, что в подвале его лондонского поместья налажено производство дензнаков прямо из воздуха, но он всё отрицал.

Жилище миллиардера с виду было вполне обычным: колонны, портики, львы на мраморной лестнице. Внутри – всё по последнему слову техники: системы вентиляции и отопления, дизайнерский интерьер и плазменные панели в каждой комнате. В общем, никаких хлопот в смысле текущего ремонта в ближайшие тридцать лет не ожидалось.

Однако, всё это владельца не интересовало. Все эти современные штучки были ему безразличны и он всё свободное время проводил не перед телевизором, а в глубоком подвале, обнаруженном на стадии строительства.

Это был необычный подвал, в одной из стен которого рабочие, убиравшие вековые наслоения мусора, наткнулись на маленькую дверь. Авдотий Павлович вскрыл её лично и не прогадал: за дверью начиналась система подземных ходов, ведущих в самые отдалённые уголки Лондона. Их-то миллиардер и изучал в свободное от бизнеса время.

Однажды он очутился в одном из нехоженных ответвлений системы. Подземелье заканчивалось ступеньками, ведущими вверх, и маленькой дверцей, которую он не замедлил вскрыть, для чего пришлось изрядно повозиться.

За дверью обнаружилась небольшая комнатка. Тусклый свет с трудом пробивался в крохотное оконце. Выглянул наружу и увидел площадь, битком набитую народом. Шум, гам... Все явно чего-то ждут.

Внезапно дверь распахнулась и в комнату ввалился свирепого вида мужчина. Зверски посмотрел на Авдотия Павловича и заорал ему что-то крайне оскорбительное. При этом палец его недвусмысленно указывал на красную материю, перекинутую через спинку стула.

Банкир смертельно испугался: было очевидно, что его сейчас прикончат. Догадался, почему: по мнению вошедшего, он был ещё не одет. Сдёрнул со стула материю и набросил на себя.

Та оказалась балахоном с прорезями для глаз. Всё ещё негодующий джентльмен выволок из угла здоровенный топор и сунул его миллиардеру. Вышли на площадь.

Дальнейшее помнилось с трудом. Его завели на некое подобие эстрады. Туда же привели какого-то мужика, что-то ему зачитали. Мужик встал на колени и положил голову на деревянный чурбан.

Затаив дыхание, зрители воззрились на топор. Банкиру стало ясно: если он сейчас же не оттяпает этому мужику голову – его растерзают.

Топор взмыл в воздух и, описав дугу, смачно впился в деревяшку. Голова отскочила в одну сторону, обрубок мужика – в другую. Помост обагрился кровью и инвестор, не обидевший за свою жизнь и мухи, рухнул без чувств.

Но этого никто не заметил, ибо толпа возликовала. Ещё бы: не каждый день увидишь голову монарха в корзине!

Когда миллиардер очухался, то сразу поспешил туда, откуда пришёл. На столе лежал туго набитый мешочек. Авдотий Павлович заглянул в него и обнаружил золотые монеты. Огляделся по сторонам – и взял мешочек с собой.

Через какое-то время его снова потянуло в то же ответвление. Однако, на этот раз он немного промахнулся и всё пошло по-другому.

Подземный ход оказался несколько дольше, нежели он рассчитывал. И когда, наконец, появились ступеньки, ведущие вверх, а в конце – маленькая дверь, Авдотий Павлович вздохнул с облегчением: сейчас он увидит хмурое лондонское небо, глотнёт сырого британского воздуха...

Приладил фомку, предусмотрительно захваченную из дома, даванул. Дверь со скрипом отворилась.

Похожая на прошлую комнатка, балахон... Только приступил к поиску топора, как входная дверь распахнулась и на пороге нарисовался страшно злой персонаж в цивильном костюме. Ни слова не говоря, выволок инвестора наружу и пинками погнал в привычном направлении.

На этот раз топор не потребовался. Всё было на редкость удобно и цивилизованно: рычаг, острозаточенный нож на деревянной конструкции. Привели мужика, зачитали приговор. Авдотий Павлович дёрнул за рычаг, нож со свистом съехал вниз, голова отскочила и плюхнулась в корзину. Кровь не стала брызгать во все стороны, а аккуратно слилась по желобку. В общем, всё прошло без ненужной ажитации, буднично, на хорошем техническом уровне.

В комнатке, как и ожидалось, его ждал гонорар. Не такой щедрый, как в прошлый раз, но жаловаться было некому. Впрочем, и нервного потрясения на этот раз не случилось, так что оплата, как ни крути, соответствовала понесённым трудозатратам. Уж лучше что-то, чем ничего.

Больше Авдотий Павлович в те края не заглядывал. Монархи кончились, а на публику попроще желающих хоть отбавляй. Да и расценки другие. В одном месте дошло до откровенного демпинга со стороны конкурентов и это поставило точку на вроде бы перспективном направлении. Что поделаешь: бизнес есть бизнес...

Титаник

С Балтики дул пронизывающий ветер и Николай Сергеевич никак не мог согреться. Апрельским вечером случается такое: налетит снег с дождём, запуржит, заметелит... Вот и сейчас – словно не весна на дворе, а самый что ни на есть февраль-вьюговой.

Николай Сергеевич только что вернулся из рейса и сразу – в Москву, к престарелым родителям. Отец ложится на операцию – надо поддержать. Хотя бы морально...

Из-за поворота пробился свет фар и к остановке плавно подкатил автобус. Николай Сергеевич пробрался на свободное кресло и с наслаждением ощутил мягкость хода комфортабельного экспресса. Глаза закрылись сами собой...

На капитанском мостике всё спокойно. Приглушённый свет. Движение гигантского судна почти не ощущается. На море – полный штиль. «Титаник» словно застыл в маслянистой жидкости и безмолвствует. А скорость – 22 узла... Хороша машина!

Какое-то тягостное предчувствие не давало покоя вахтенному офицеру. Он был суевренным, этот старший помощник капитана, и всегда заступал на вахту с любимой трубкой. Но не в этот раз. Где он её оставил?

Повинуясь нараставшему чувству тревоги, подумал: если он не вспомнит, где его любимица, то что-то случится. Непременно! Что-то нехорошее, быть может, трагическое. Но что может произойти на таком великолепном судне, как «Титаник», да ещё и совсем новом?

Однако, тревога не уменьшалась, а наоборот – усиливалась. Поняв, что ему с ней не справиться, решил отлучиться к себе в каюту. Ненадолго, на пять минут – взглянуть на полку с книгами, заглянуть в умывальную комнату... Трубка где-то там.

Но оставлять мостик на такой скорости нельзя! Необходимо сбросить ход, а это – прямое нарушение приказа капитана. Но пять минут... Всего лишь пять минут! Они ничего не решают!

Мучимый сомнениями, всё же дал команду: ход – 15 узлов! Корабль начал торможение. И когда скорость упала до требуемой величины, передал штурвал помощнику, после чего поспешил к себе в каюту.

В этот момент и прозвучал сигнал тревоги.

Бросился обратно, к штурвалу. Из темноты на корабль надвигался... гигантский айсберг!

Не в силах отвести взгляд от грозного чудовища, все замерли. И только старпом сохранил самообладание: «Лево руля! Малый ход!»

Повинуясь командам, «Титаник» медленно отворачивал от айсберга. Успеет ли?

На мостике с ужасом глядели на проплывающий мимо ледяной остров и ждали рокового удара. Но его не последовало. Глыба нехотя отвалила в сторону и скрылась в ночном полумраке.

Старпом обессиленно опустил в кресло. Если б не 15 узлов – катастрофы было бы не избежать.

Рассеянно глянул перед собой...

Что это? Не может быть! Со столика на него глядела его любимая трубка.

Автобус качнуло. Московский вокзал. Приехали.

Николай Сергеевич открыл глаза, прищурился на яркие огни.

Пассажиры тронулись к выходу. Вышел и он. И только теперь понял, что сжимает в руке... Трубка! Его трубка!

Капитан первого ранга усмехнулся, сокрушённо покачал головой и прошёл на перрон.

Странное происшествие

Командировка заканчивалась, оставался один день. «Вот и хорошо» – подумал Алексей и решил прогуляться. А то спросят: что за город такой – Сараево, а ему и ответить нечего. Не пересказывать же ход дискуссии на конференции по безопасности в Европе, на которой он представлял российские правоохранительные органы.

Июньское солнце палило нещадно. На улице жарко, душно. Город небольшой, памятников – раз-два и обчёлся. В таком месте каждому туристу рады. Провинция...

Впрочем, и в таких вот безвестных городишках тоже есть на что посмотреть.

«В магазин, что ли, заскочить? Как у них тут с сувенирами?»

В здании на углу – массивном, начала прошлого века – было прохладно и сумрачно. Продавец радушно встретил редкого в это время гостя и поинтересовался, что того интересует. Алексей и сам не знал:

– Что-нибудь историческое...

– Историческое?

Продавец задумался.

– Вы – русский? Пройдите сюда. Я сейчас...

Алексей прошёл в примерочную, положил на полку барсетку и осмотрелся.

Под ярким светом вспыхнувшей лампы всё преобразилось. В зеркалах замелькали бесчисленные отражения. Они то появлялись, то исчезали, причём ни на одном из них не удавалось задержаться. Почувствовав, что у него начинается головокружение, Алексей вышел из примерочной...

В зале ничего не изменилось. Лишь возле окна появился незнакомец, высматривающий что-то снаружи. А продавца всё нет и нет.

Алексей уже хотел обратиться к юноше с вопросом насчёт хозяина, как вдруг обратил внимание на некоторые странности в его поведении: парень сильно нервничал и явно чего-то опасался. Рука – под полую пиджака... Что в ней?

Снаружи донёсся тархтящий звук. Он приближался и молодой человек засуетился, а в его руке блеснул пистолет...

«Опаньки!» – молнией мелькнуло в голове сотрудника полиции, ещё утром обсуждавшего с коллегами меры по борьбе с уличной преступностью. Прыжком настиг парня, метнувшегося к двери... Заломил руку... Прижал к полу...

Снаружи взвизгнули тормоза... Взревел автомобильный мотор... Раз... Другой...

Кто-то неуклюже разворачивался на проезжей части. Наконец, всё стихло.

Парень лежал молча и не шевелился. Алексей взглянул на пистолет: «Браунинг», 1910 г. Старьё! Но заряжен... Боевыми...

Продавца по-прежнему не было видно.

«И что с этим парнем делать? Передать в полицию? Да, пожалуй. Пусть там разбираются».

Юноша пошевелился, попытался подняться – и охнул. Прислонился к стене... Черты исказила гримаса боли...

«Я что, сломал ему руку? Мда-а-а... Теперь точно проблем не избежать. Но где же продавец?»

Постоял в нерешительности: «Стоп, у меня же в барсетке смартфон! Сейчас и позвоню, куда следует!»

Вернулся в примерочную.

Вспыхнул свет, замелькали отражения. Чертовщина какая-то...

Достал смартфон: «Да тут нет интернета!»

Шагнул из примерочной и... нос к носу столкнулся с улыбающимся продавцом. Тот стоял с вышитой рубахой в руках, чем-то похожей на русскую косоворотку.

Продавец опустил взгляд и увидел... пистолет! Побледнел... Попятился...

Алексей досадливо махнул рукой: не волнуйтесь вы, всё о'кей! Посмотрел на парня, но того уже и след простыл.

– А пацан где?

– Какой пацан?

– Со сломанной рукой...

Продавец озадаченно уставился на покупателя. Алексей тоже ничего не понимал. Но пистолет! Вот же он! Не с неба же свалился!

– Вы что, никого не видели?

– Нет, никого. После вас никто не заходил.

Алексей мотнул головой: приплыли! Что здесь вообще происходит?

Помолчали. Внезапно в голове правоохранителя мелькнула странная мысль – странная настолько, что язык отказывался спросить. Но вопрос всё-таки прозвучал:

– Скажите: а там (пальцем указал на примерочную) с вами ничего не случилось? Или с кем-нибудь ещё...

– Нет, никогда...

– Хм-м... Ну, ладно, я пойду...

– А рубаху? Примерять будете?

– Нет, спасибо... Впрочем, заверните. Сколько с меня?

Продавец завозился с товаром, а Алексей задумался: что делать с пистолетом? Отнести в полицию? А где он его взял? Отнял у какого-то парня? Где тот парень? Продавец-то никакого парня не видел, хотя всё произошло в его магазине, а следовательно, в его присутствии. Чушь какая-то! Выбросить в урну? А вдруг его найдёт тот, в чьих руках он совершенно нежелателен? Остаётся один вариант...

Расплатился за покупку и, прикрыв пистолет пакетом, вышел на улицу.

От мысли, что его остановит первый встречный полицейский и он ничего не сможет ему объяснить, стало не по себе. В кармане перекатывалась пригоршня патронов, в руке потел кусок полированного железа.

Дошёл до набережной, огляделся по сторонам. Никого! Речка небольшая, но выбирать не приходится.

В одном месте было поглубже – туда и бросил пистолет. Чуть подальше – патроны: один, другой, третий...

Карман опустел. Алексей облегчённо вздохнул и с чувством исполненного долга направился к старой церкви, видневшейся вдали. В любом случае, преступления не случилось. И это просто супер!

Время и мы

За этим покупателем Викентий давно наблюдал. Тот ходил по торговому центру, брал в руки товар, присматривался, принимался... Клад на место... Переходил к следующему.

Одет он был странно. Вроде, ничего особенного, а впечатление, будто из XIX века. Может, артист какой? Не переделся после съёмок...

– Любезный, что вы ищете? – поинтересовался Викентий. В функции охраны входило вежливое обращение с клиентом. Человек растерянно на него посмотрел:

– Мне нужен пудинг, творожный пудинг. Я без него не могу.

– Так вам в молочные товары. Там этого добра...

– Милейший, всё, что там продаётся – несъедобно. Это не молочные продукты...

– А что же это?

Почувствовав в голосе охранника скрытую угрозу, человек сокрушённо вздохнул:

– Мы всегда брали пудинг у «Мармеладов и К^о». Но в наш дом ударила молния и теперь в том магазине какой-то «Секс-шоп». А мне нужен пудинг. Вы мне ничего не посоветуете?

До Викентия начало кое-что доходить. Этот дядя – из XIX века? Не из кино?

– Даже не знаю, что вам посоветовать. Хотя... Пойдёмте!

Прошли в отдел бытовой техники. Там была вмонтирована розетка на 380В для проверки некоторых электроагрегатов. Нашёл два провода, зачистил, вставил в отверстия...

– Ну, с богом!

Человек, ни о чём не подозревая, взялся за оголённые концы. Раздался взрыв и свет в магазине погас. А когда зажглись дежурные светильники, рядом с Викентием никого не было. Лишь на полу дымился плавленый сырок...

Раздвигая время

В последнее время ЖЭК стал уделять повышенное внимание благоустройству дворовой территории. Появились детская площадка, лавочки. На одной из них и стал частенько сживать Прокопий Фомич. К нему присоединялись кое-кто из соседей и начиналось обсуждение насущных проблемы города, прояснение позиций по тому или иному политическому вопросу.

Стало возможным и поделиться информацией из области науки и техники. По этой части был горазд Пётр Степаныч, у которого всегда в запасе имелся интересный эпизод.

Вот и сейчас. Его рассказ затрагивал проблемы современной биологии и начинался с того, что одному мужику, ботанику по профессии, пофартило отправиться на машине времени в прошлое. Естественно, остаться равнодушным к тамошним представителям фауны он не мог и за одной особо приглянувшейся бабочкой устроил настоящую охоту. И после ряда попыток накрыл-таки её сачком...

Степаныч сделал многозначительную паузу и, насладившись произведённым эффектом, подвёл итог:

– Бабочка была столь необычна, столь изумительно прекрасна, что ботаник отправил её в гербарий, где она и закончила свой жизненный путь.

Слушатели понимающе заулыбались. На месте учёного они поступили бы точно так же. Уникальный экземпляр... Что может быть лучше?

Между тем, самое интересное было впереди и Степаныч продолжил:

– А когда он вернулся в наше время, вдруг выяснилось: здесь всё изменилось!

– То есть?

– Птицы стали другими, звери, насекомые... Фауну стало не узнать! Вот что значит – вмешательство в естественный ход истории!

Все озадаченно смотрели на рассказчика. История была столь невероятна, столь поразительна, что поверить в неё было практически невозможно. Такие последствия – и из-за одной бабочки? Не может быть!

Однако, Степаныч и не думал вносить в свой рассказ какие-то коррективы. Приходилось верить ему на слово. Однако, проверить всё-таки не мешало и Прокопий Фомич решился:

– Слышь, Степаныч, а можно туда ещё разок смотаться? Ну, в это прошлое...

– А чё ж нельзя? Тот мужик же летал... Ты с Петровичем поговори, он поможет. Петрович – мужик правильный. И руки у него откуда надо растут. Так что это к нему.

Петрович выслушал со всем вниманием и предложил на посошок. Дорога-то дальняя! Первая проскочила незаметно. Пришлось повторить... И ещё...

Когда дошло до непосредственной отправки в прошлое, сбежался весь двор. Кто-то принёс большую коробку из-под холодильника и Прокопия Фомича со всеми предосторожностями положили в неё. Коробку закрыли, заклеили скотчем и отнесли в сторонку. Путешествие обещало быть долгим.

Минут через сорок к коробке подошли двое, осмотрели находку, закинули на багажник автомобиля и выехали со двора.

Проснулся Прокопий Фомич от яркого света, бьющего в лицо. Над ним – две склонившиеся рожи... В следующую секунду они исчезли, а рядом взвизгнули шины отъезжающего автомобиля.

«Где я?» – подумал путешественник во времени и не смог дать ответ. Выглянул из коробки...

Родной двор преобразился. Вместо облупленной хрущёбы – элитный дом с пентхаусом и фитнес-центром, рядом супермаркет «Старик Хоттабыч», дорогие автомобили... Поодаль – река с летящими по ней яхтами и водными мотоциклами...

Почесал в голове: «Блин, и на что же это я там наступил?»

Пробуждение

Какой-то кретин разлил в самолёте бочку с креозотом и бригаде буровиков пришлось лететь с открытой дверью. Место Сергея оказалось аккурат напротив дверного проёма и, когда Ан-2 ухнул в воздушную яму, закемарившего было разнорабочего выбросило наружу.

К этому времени самолёт уже набрал приличную высоту и у Сергея было время оценить ситуацию и понять, насколько плохи его дела. Он и понял... Всё, что ему оставалось – это проститься с жизнью.

И тут чей-то громовой голос гаркнул ему прямо в ухо:

– Руки раскинь, идиот! Телогрейку распахни и держи! Планируй, едрёна вошь!

Сергей подчинился. Скорость падения замедлилась, но оставалась критической...

– Сбрось сапоги, чучело! Лови восходящий поток!

Сергей сделал, как сказали, и принялся лавировать. Что-то стало получаться и голос продолжил:

– Ложись на глиссаду. И вперёд смотри, остолоп хренов. Куда приземляться-то будешь?

Сергей зашёл на пологий склон. В последний перед приземлением миг консультант крикнул: «Группируйся, урод!» – и Сергей коlobком поскакал в сторону болота... Допрыгал до середины и начал тонуть...

Однако, подсказки кончились. И лишь когда утопление стало неизбежным, раздался и свой, внутренний, голос:

– Скидай телогрейку, дебил! Барахтайся, чтоб тебя черти съели!

В общем, спасся Сергей. Из тайги через месяц вышел. И что-то он подцепил на том болоте. От бесплодия теперь лечит. Всех желающих. А какой скромный был... Таким бы и остался, если б не креозот.

Первый раз в первый класс

Свой первый день в школе Павел Сергеевич вспоминал с особой теплотой. Шёл дождь и Павлик (тогда ещё Павлик) промочил ноги. О сменной обуви их не предупредили, поэтому уже через полчаса новоиспеченный ученик шмыгал носом. Делал это он столь усердно, что класс переключил внимание на него. Всеобщий интерес пришёлся по душе и Павлик достал припасённую на всякий случай резинку.

Первый снаряд полетел в девочку на третьей парте, что вызвало бурный восторг у очевидцев сего знаменательного события. Учительница нахмурила брови и потребовала полной тишины в классе, пригрозив двойкой по поведению. Чем немало озадачила вполне освоившегося в незнакомом коллективе мальчишку. Пришлось какое-то время сидеть тихо.

Дождь закончился, заточение стало невыносимым. Вновь потянуло к резинке. Да и девочка уже несколько раз оборачивалась, пытаясь определить, кто же это пульнул в неё жёванной бумагой. Павлик прицелился, но прозвенел звонок и он выбежал из класса.

Это был один из немногих дней, когда Павел Сергеевич не был поставлен в угол, выгнан с урока, не получил двойку, не сорвал занятия, не устроил пожар, его не отправили за родителями, он не получил фингал под глаз, не засветил фонарь оппоненту, не вымотал нервы уборщице, учителям, завучу и директору школы. Просто первый день оказался и самым коротким...

Бэтмен

Вася Курочкин любил помечтать. Особенно на математике. Учительница Нина Петровна догадывалась: в голове её ученика что-то происходит. Но что именно...

Васю бесполезно было спрашивать о чём-либо. Он краснел, переминался с ноги на ногу и выглядел совершенно растерянным. Не мог же он сказать, что буквально только что представлял себя пограничником с собакой. Причём, скорее собакой, нежели её хозяином. Вот он входит в класс, помахивая хвостом и внимательно поглядывая на Нину Петровну... Садится перед ней... Ждёт...

Огромная овчарка – это вам не какой-нибудь ученик второго класса. С ней шутки плохи! Убедившись, что Нина Петровна потеряла дар речи, Вася громко и внушительно гавкает.

Всё, урок окончен, потому что Нину Петровну выносят из класса на носилках.

– Курочкин, к доске!

«А ещё неплохо было бы стать Фантомасом. И посмотреть, как такого страшили с лысой головой синего цвета кто-то бы посмел куда-нибудь вызвать...»

– Курочкин, к доске!!

«А ещё можно было бы стать Бэтменом и вылететь в окно. То-то все удивились бы. Вася Курочкин – и...»

– Курочкин, к доске!!! Ты что – оглох? Что у тебя в голове? Сколько будет семью восемь? Сорок восемь? Садись, Курочкин, два! Завтра придёшь с родителями. Они у тебя кто? Писатели? М-м-м-м-м... Знаешь что, Курочкин, а поставлю-ка я тебе три. А то ещё ославишь на весь мир... Когда вырастешь... Павлова, скажи Курочкину, сколько будет семью восемь...

Нина Петровна ещё раз строго посмотрела на нерадивого второклассника и повернулась к доске. А в уголках учительских глаз притаилась улыбка – мягкая, добрая...

Надежды наши

– Вадик! Ва-а-а-дик! Ты сделал уроки?

– Не-а...

– А когда будешь делать?

– Щас...

– А ты на часы посмотрел? Время – полдесятого! Тебе спать пора!

– Ну, значит, пойду спать...

– А уроки?

– Но я же не могу одновременно спать и делать домашнее задание.

Мама в ярости смотрит на папу, погрузившегося в чтение газеты:

– Это ты во всём виноват! Философия, философия... Совсем задурил голову ребёнку.

Рано ему ещё читать всяких циников и стоиков.

– Не циников, а киников.

– Какая разница? С ребёнком стало совершенно невозможно разговаривать. У него на всё есть ответ!!!

– Но это же хорошо! Человек должен быть готов к жизненным передрягам.

– Готов? У него тройка по математике... И по русскому... А по английскому он вообще ни бум-бум. Произносит какие-то непонятные слова. Учитель в ужасе!

– Это он по-гречески изъясняется. Греческий – кратчайший путь к познанию человеческой мудрости. Ещё древние говорили: мудрость – это...

– Ну, всё, с меня хватит. Ухожу. Превратили дом в балаган. Греки, готы, скифы на лошадях... Как он в институт поступать будет?

– Ну, это ещё когда будет. Как говорили древние римляне...

Что говорили латиняне, мы уже не узнаем. В комнату вошёл Вадик:

– Всё! Я уроки сделал. Папа, ты обещал мне третий том Аристотеля...

У мамы подкосились ноги и она со стоном рухнула на стул.

Пирамиды

– Дети, сегодняшний урок будет посвящён чудесам, созданным руками человека, его творческой фантазией. Мы будем говорить о... Вова, ну что ты тянешь руку? Я же ещё не досказала...

– Марипетровна, мы с мамой только что вернулись из Египта и...

– Сегодня нас не интересуют общеизвестные памятники – пирамиды, гробницы...

– А я не про них. Мы были в...

– Знаю, знаю, вы, конечно же, были в Хургаде и кроме лежаков...

– Нет, мы не были в Хургаде. Внезапно выпал снег и...

– Что? Снег?? В Хургаде??? Вова, я требую, чтобы твои родители завтра же пришли в школу!

– Марипетровна, вы никогда не выслушаете до конца. Я...

– Ну, хватит с меня! Я знаю, что ты скажешь. Что пингвины любят яблоки, а ленивец – это дворник дядя Жора, которого так называет твой папа... Ну, что ты там про снег начал?

– Снег выпал во дворе, дядя Жора посыпал его каким-то реагентом, мама поскользнулась и вместо аэропорта мы отправились в больницу.

– А Египет?

– В него мы поехали после.

– В Хургаду?

– Нет, в Анталию.

– Но это же Турция!

– Да.

– Ничего не понимаю. Так вы были в Хургаде?

– Уже три раза.

– И как там?

– Маме нравится.

– А тебе?

– А мне нравятся пирамиды. От них исходит такое магическое дыхание веков...

Марипетровна изумлённо уставилась на пятиклассника. Это было что-то новенькое. Не пора ли и ей вместо привычного Кратово отправиться в страну фараонов?

Сила искусства

...Андромеда – нежная, пылкая, страстная – затрепетала от уготованной ей участи быть съеденной мерзким чудищем со склизкой кожей и отвратительным запахом изо рта... Вернее, из пасти, из которой торчали четыре огромных зуба с явными признаками кариеса, а набок свешивался лиловый язык, с которого стекала слюна вождления. Нет, только не это! Упругие бёдра юной красавицы ритмично сжимались, под нежной кожей пульсировала кровь, маленькие аккуратные груди слегка вздрагивали, соски...

– Пеночкин, ты чего там читаешь?

...Соски отвердели, а на прекрасной тонкой шее забились голубая жилка. Глаза...

– Пеночкин, я с кем разговариваю? Что у тебя там такое?

...Глаза наполнились слезами – чистыми, как родниковая вода. Губы – чуть припухшие, ужасно чувственные – такие, что хочется припасть к ним как к единственному, последнему источнику жизни...

– Пеночкин! Нет, это просто невыносимо... Пеночки-и-и-и-н!!! К доске-е-е!!! Ты выучил урок? Миф как форма мировосприятия древних греков...

...А за нежным маленьким ушком...

– Всё! Двойка тебе, Пеночкин! Завтра придёшь с родителями.

– Но они... того...

– Что того?

– С завтрашнего дня в командировке. Натурные съёмки...

– А у тебя что?

– Сценарий...

– Опять без спросу взял? Ну, что с тобой делать? Положи мне на стол. После уроков заберёшь. Все свободны!

Золотая рыбка

Припекало... Кружились мухи, басовито гудел шмель, стремительно пролетала стрекоза, а Мишка сидел и смотрел на поплавок.

В этой заводи просто обязана была ловиться рыба... Но не ловилась. Уже четвёртый час. Мишка время от времени подтягивал удочку, проверял состояние червя на крючке, со знанием дела плевал на него и забрасывал обратно... Не помогало.

В голову начали лезть нехорошие мысли. Что он скажет коту Ваське? Он же обещал ему свежей рыбки! Тот ещё с такой надеждой посмотрел ему вслед...

Наконец, поплавок повело в сторону. Мишка замер... Ловким движением подсёк...

На берег, трепыхаясь, вылетела... золотая рыбка. И только Мишка выпростал крючок, как та человеческим голосом молвила:

– Хелло, детка!

Мишка ошарашенно уставился на пресноводную жительницу:

– Здравствуйте...

– Чё запаниковал-то? Знаешь же, что дальше будет...

– Не-е-е, не знаю...

Пришёл черёд удивляться рыбе:

– А вы что, Пушкина теперь не проходите?

Мишке стало стыдно. Где-то он слышал эту фамилию...

– Парень, ты чего? Пушкина в 5-м классе проходят, а ты в 6-й перешёл. Чем на уроках занимался?

Мишка окончательно пал духом. На уроках он приставал к девчонкам.

– А-а-а, понятно. Что ж, отпускаяй меня обратно. Ты же не в теме. И вообще – квёлый какой-то. Приходи в следующий раз. Как Пушкина прочитаешь. Бывай, приятель...

Рыбка вильнула хвостом и выскользнула из рук в воду. Мишка смотал удочки и поплёлся домой. Читать Пушкина...

Вундеркинд

- Семёнов, на прошлом уроке я дала задание прочитать «Войну и мир». Ты прочитал?
 - Но там четыре тома, Мариванна!
 - Знаю, что не пять. Но за два дня...
 - У нас была по физике полугодовая контрольная, по алгебре и геометрии – олимпиада, по немецкому языку – комиссия из РОНО, по химии...
 - Ты что хочешь сказать? Что на литературу нет времени? Что великий русский писатель писал неизвестно для кого и для чего?
 - Наверно, для меня?
 - Для тебя-я-я?
 - Ну, тогда для Вас?
- Паренёк растерянно смотрел на учительницу, на класс, на окно... «Интересно, а на самом деле: для кого писал „Войну и мир“ Лев Николаевич?»
- Мариванна, а можно я к следующему уроку прочитаю?
- Учительница с сомнением посмотрела на ученика. Вообще-то, этот Семёнов ей нравился. В прошлый раз он по ошибке прочитал «Братьев Карамазовых» и всё обстоятельно рассказал. А ещё раньше он, и тоже по ошибке, прочитал «Отверженных» Гюго. А это совсем не пустяк!
- Хорошо, Семёнов. Итак, друзья, на следующей неделе нам предстоит знакомство с Оноре де Бальзаком и его «Человеческой комедией». Семёнов, ты в курсе?
 - Да, Мариванна, как раз на философских этюдах остановился...
 - До вторника закончишь?
 - Если только от физкультуры освободят...

Каникулы

Ура, каникулы!

Вовка в припадке самых светлых чувств хлопнул Машу Калинину портфелем по спине и рассмеялся. Впереди – целое лето: купайся, загорай, играй в футбол... Маша строго на него посмотрела:

– Петров, ты когда кончишь свои штучки? Как диктант списывать, так «дай пожалуйста», а как бездельничать – так портфелем по спине? Смотри, Петров, будет с тобой, как с Медузой Горгоной...

Вовка озадаченно посмотрел на одноклассницу, всегда поразившую его своей осведомленностью. Надо будет спросить у Кольки... Или у Славки...

Однако, ни тот, ни другой не смогли ему чем-либо помочь. И лишь в конце августа Вовка узнал, кто такая Медуза Горгона. Узнанное потрясло его до глубины души, так что в школу он не шёл, а летел с единственным желанием – дёрнуть эту Машку за косичку так, чтоб ей мало не показалось...

У дверей школы среди подруг стояла высокая девушка, снисходительно поглядывающая по сторонам.

– Маша?

Вовка вдруг оробел. Какая красавица! А Маша мягко улыбнулась и слегка кивнула, после чего грациозной походкой под восхищёнными взглядами одноклассников проследовала в класс.

Классика

Степан Ильич тоже был когда-то маленьким и, как все дети, ужасно любил слушать сказки. Особенно в стихах. Он заставлял маму перечитывать одну и ту же сказку до тех пор, пока не выучивал её наизусть. И переходил к следующей. В этом было что-то мистическое – ребёнок, без запинки воспроизводящий целую книжку.

Однако, с возрастом пришли другие книги, которые приходилось читать уже самому. У Стёпы (тогда ещё просто Стёпы) были продвинутые родители, предпочитавшие зарубежные детективы, любимым из которых был Конан Дойль. А вот их сына тянуло на классику, с чем мама с папой были категорически не согласны. Поэтому Стёпе приходилось читать украдкой, по ночам, под одеялом с фонарём. Иногда его заставляли за этим занятием. Отец с негодованием отнимал каких-нибудь «Братьев Карамазовых» и требовал прочитать «Пляшущих человечков» или «Этюд в багровых тонах». Стёпа куксился, но приходилось слушаться.

Наконец, однажды, когда у него отняли «Евгения Онегина» на самом интересном месте (во время Татьяниного объяснения в любви), Стёпа не выдержал и с отчаянием в голосе принялся зачитывать всё, запомненное им в детстве. Без запинки! Видимо, от обиды он попросту забыл, где находится. Родители открыли рты и поняли, что их сын пребывает в другой реальности. Больше они с Конан Дойлем к нему не приставали. А Стёпа торжествующе положил на стол «Войну и мир» и открыл первую страницу...

Недавно Степан Ильич закончил большой труд, посвящённый различным течениям в русской литературе. На очереди западная. А там, глядишь, и восточные письма найдут в его лице внимательного исследователя.

После урока

Прозвенел звонок и класс быстро наполнился учениками. Вовка запихнул портфель в стол, оставив изрядно потрепанный учебник истории и дневник. В прошлый раз Пал Палыч пригрозил вызвать к доске и он на всякий случай выучил параграф.

Вообще, Вовка историю не любил. Ну, что, в самом деле: этот правил тогда-то, та битва случилась там-то, после чего война такая-то закончилась поражением того-то. И даты... даты... даты... Они все перемешались и вспомнить, когда, например, правил Цезарь, Ганнибал с кем-то воевал, а Александр Македонский завоевывал Индию было совершенно невозможно. Поэтому у Вовки был крепкий трояк без шансов на исправление.

Вот и сегодня... Ну, какая разница, что стало с Римской империей? Всё-равно же её больше нет!

Между тем, урок шёл своим чередом. Пал Палыч про Вовку, конечно же, забыл и к доске не вызвал, из чего паренёк сделал соответствующие выводы. Последние 20 минут были посвящены рассказу о печальном конце Великой империи. Ученики слушали о вандалах и вестготах, Аларихе и Атилe и никакого интереса в глазах у них учитель так и не заметил.

Прозвенел звонок и все разбежались. Урок был последний, поэтому Пал Палыч не торопился свернуть карты. Подошёл к одной из них, имитирующей римскую, взгляделся...

Откуда-то издали донеслись возгласы, лязг оружия. Стены озарились пламенем пожара, а пол задрожал от топота конницы. Тщедушный Пал Палыч расправил плечи, а из-под скинутого пиджака на свет явилась тога римского патриция. На боку сверкнул меч.

В каменном спокойствии ждал приближающуюся толпу римский император Ромул Августул и не было силы, способной сдвинуть его с места. Его окружили, острия копий нацелились в грудь, живот. Его воины, его подчиненные... Из толпы выступил Одоакр, его лучший военачальник, протянул свиток. Ромул молча подписал отречение от власти. Копья опустились, толпа отступила. Через минуту никого не было...

Пал Палыч пришёл в себя. Кто-то теребил его за рукав. Вовка!

Мальчишка испуганно глядел на учителя, не решаясь спросить. Наконец, тот улыбнулся и принялся сворачивать карты. Облегченно вздохнул и Вовка и, схватив забытый пенал, бросился из класса.

Сила воли

Шестиклассник Петя уныло кидал в портфель трусы, майку, кеды... Кто придумал эту физкультуру? Там ведь подтягиваться надо. Опять весь класс будет над ним смеяться. В прошлый раз подтянулся три раза и больше не смог. А Танька Сафонова подтянулась четыре, а Мишка – вообще шесть. И после этого Танька в его сторону даже не смотрит. А он что, виноват, что его руки не слушаются? Сказаться больным? Он и так уже сколько уроков пропустил...

Выхода не было. Тяжело вздохнув, поплёлся в школу. Первым уроком была та самая физкультура. Петя шёл по улице и настроение его ухудшалось с каждым шагом. Так что, когда он входил в школьное фойе, всё, чего ему хотелось – это врезать кому-нибудь портфелем.

Переодевшись, прошёл в спортзал. К его ужасу, спортивный снаряд под названием «перекладина» стоял наготове. Представил, как он подойдёт к нему, подпрыгнет, кое-как зацепится за проклятую железяку, как всем будет весело (особенно Мишке) и какой взгляд будет у Моисея Карповича, физрука. В животе что-то подозрительно булькнуло, слабость поразила члены. Петя побледнел и присел на скамеечку. Проходившая мимо Танька Сафонова мельком взглянула на него, задержалась. Но не засмеялась, а участливо спросила, что с ним. И Петьке вдруг сделалось стыдно. Он стиснул зубы и ничего не ответил.

Когда дошла его очередь подтягиваться, ребята по привычке заулыбались. А он... изо всех сил подпрыгнул и намертво вцепился в скользкое железо. От напряжения в глазах потемнело. Он ничего не видел и не слышал. Он должен был сделать ЭТО. Раз... второй... третий...

В зале всё стихло. Ребята потрясенно смотрели, как их товарищ совершает подвиг. Пять... шесть... Руки дрожали. Моисей Карпович хотел уже остановить парня, но Петька пошёл на седьмой подъём. Все затаили дыхание. Осталось немного, совсем чуть-чуть и... Руки разжались и парень без чувств рухнул на маты.

Его быстро привели в себя. Перепуганный Моисей Карпович никак не мог успокоиться. Его трясущиеся руки поразили Петьку. И он вдруг почувствовал в себе силу. Он повзрослел, этот Петька...

Открытие Америки

Стивен Бак продрал глаза: «Опять лезть на рею? Чёрт дернул похвастать острым зрением. Теперь чуть что – меня и гонят. Я что, мальчик, что ли? Этот боцман по прозвищу Гнилой Зуб уже достал. Нет там ничего. Ни прямо по курсу, ни влево, ни вправо. Сдохнем на этой чёртовой лайбе!»

Отведя душу в самых изысканных выражениях, которые только могли придти в голову матросу с десятилетним стажем, Стивен наверх всё-таки полез. Привычно перебросил тело в смотровую корзину и обалдел: в ней уже находился какой-то пацан с маленькой штучкой в руке. Стивен протёр глаза. Пацан и не думал исчезать.

– Ты кто?

– Я? Вася. Из 6-го «А»...

– А что здесь делаешь? Тебя кто послал?

– Никто не посылал. Сам пришёл. Нам на уроке английского задание дали. Типа: «Твое открытие Америки». И чтоб поподробней. Вот я и хотел поприсутствовать...

Всё это было как-то подозрительно. Стивен почесал просоленную грудь, поковырял в ухе и взялся за нож:

– А что в руке? Ну, покажь!

– Да это смартфон. Не лучшая версия, конечно, но на первое время сгодится. Ну, там, сфоткать самое интересное, записать что-нибудь, SMS-ку послать. Помогает в усвоении материала. Только вы уж поторопитесь. С подзарядкой у вас тут, я гляжу, не фонтан. Так что высматривайте, что нужно, а я пока партию сгоняю. В шахматы. Школьный турнир на носу...

Потрясённый обилием неведомых терминов и не желая выглядеть лохом, не знающим, что такое смартфон, Стивен вперился в даль. И...

– Земля! Земля!!!

Он завопил так громко, что его странный сосед выронил свою штучку, которая ударилась о пушку внизу и исчезла в морских глубинах. На палубу высыпали ликующие моряки. Они плакали от счастья, обнимались и целовались. Но Вася этого уже не видел, потому что исчез в неизвестном направлении. И правда: дальше открывать Америку было бессмысленно. Всё равно б никто не поверил. Ведь так?

Винегрет

Скрипнула дверь. Серёжа испуганно обернулся: «Кто там? Раскольников с топором? Платон Каратаев с дубиной народной войны? А может, Тарас Бульба? Ну, который „...я тебя породил, я тебя и убью“? Но он ко мне – каким боком? Тогда кто? Неужто этот, из вампиров? Дракула???»

Серёжа уже готов был спрятаться под стол, но вовремя сообразил, что тот его и из-под земли достанет. В тёмной комнате повисла напряжённая тишина, становившаяся всё ужасней. И тут пронзило совсем уж жуткое предположение: а что, если это – Чингачгук Большой Змей и он прямо сейчас снимет с него скальп? Волосы на Серёжиной голове зашевелились в предчувствии прикосновения острого, как бритва, индейского ножа. И тут же возникло другое предположение: а может, это легионы Марка Красса в полном боевом облачении пригвоздят его сейчас к кресту, где он и закончит в муках свой жизненный путь? Однако, в голову немедленно пришёл и гораздо более мучительный способ умерщвления: Тиль Уленшпигель... Пепел Класаса... Шарль де Костер... Надо же, даже фамилия – и та про сжигание неудобных.

Со стороны тёмного угла, где за дверью притаился какой-то жуткий книжный персонаж, показался чёрный кот. У Серёжи отлегло от сердца:

– Васька, родной!

Хотел бросился к своему любимцу, да замер на месте. В глазах кота явно обозначилось что-то сверхъестественное: «Чёрная кошка? Оборотень? Монстр из межгалактического фэнтези? Ну, который ещё за космолётчиками охотился? Как он их всех! Ну, круто!»

Серёжа повернулся к настольной лампе и придвинул к себе книгу из серии «Битвы миров». С обложки глянул коварный монстр с мордой чёрного кота и суперским оружием невероятной мощности и скорострельности. А с краю стола притулилась горка книг, взятых из библиотеки. До начала учебного года оставалось две недели.

О пользе физкультуры...

Аркадий Курицын обожал шахматы. Увлечение ими пошло со школы. У них был учитель физкультуры, любивший сгонять партейку-другую. Чем он и занимался все уроки напролёт с кем-нибудь из наиболее сообразительных учеников.

Аркадий был любимым напарником физрука и постепенно вырос в неплохого шахматиста. Его даже включили в состав команды на областные соревнования, которые он неожиданно выиграл и поехал на республиканские. Все это время Аркадий вдумчиво изучал теорию древней игры и особенно преуспел в защитах Филидора и Нимцовича. На всякий же случай в запасе всегда была русская партия. Так что отправился он на решающее событие в своей жизни во всеоружии.

Это было нечто! Аркадий крушил своих соперников чёрными и белыми, ставил мат в три, в два и даже в один ход. И победил. И когда уже выходил с медалью на шее и чеком в кармане, к нему подошли двое. Крепенькие. Явно не шахматисты. И предложили произвести расчет за использование чужого интеллектуального ресурса.

Аркадий сперва не понял, но ему терпеливо объяснили, что Филидор – это дедушка того, что справа, а Нимцович – того, что слева. А если он и теперь чего-то не понял, то сейчас подойдет третий, из русской партии, и всё окончательно разъяснит.

Аркадий смекнул, что лучше ограничиться первыми двумя и предложил в качестве оплаты за потребленные интеллектуальные ресурсы только что полученный в качестве призовых чек. Который и был с благодарностью принят счастливыми правообладателями.

Теперь Аркадий в своей шахматной подготовке особое внимание уделяет физическим кондициям. Надо же наверстывать упущенное!

Второгодник

Мишка Шняков огляделся по сторонам. И с этой мелюзгой ему предстоит париться целый год?

Ученики украдкой посматривали в его сторону. Мальчишки – с опасением, девочки... Девочки пока не определились. Если второгодник – то, вроде, балбес. Но одноклассники были такие скучные, что появление откровенного оболтуса вселяло надежду на что-то интересное.

Мишка достал учебник истории (таков был первый урок). Ни разу не читанный, вид он, тем не менее, имел ужасающий: истрёпанная обложка, расплзающийся переплёт, вырванные страницы... Где он только не побывал, что с ним только не делали!

У остальных учеников книжки были новенькие, «с иголочки». Мишке стало грустно. Открывать такую рванину не хотелось, тем более – читать. Да и первых тридцати страниц не было давно. Подошедшая учительница взяла в руки необычное учебное пособие и ознакомилась с содержимым. Внимательно посмотрела на нахальное лицо подростка и объявила, что первой темой для изучения будет... параграф шестнадцатый. А изучение предыдущих пятнадцати параграфов будет зависеть от того, как скоро ученик Михаил Шняков приведёт в порядок свой учебник...

Полгода класс с нетерпением ждал Мишкиного решения. Однако, тот не спешил. Кстати, те злополучные параграфы были изучены им вдоль и поперёк. Тайное постижение истории доставляло ему странное удовольствие. И наконец...

На весенней городской олимпиаде по истории подвели итоги и развели руками. Победу нужно было присуждать... второгоднику Шнякову. Это был нонсенс, но ничего не поделаешь. Путь в университет был открыт.

Книголюб

Вот и каникулы! Скорее в деревню, к бабушке и дедушке! И – рыбалка, футбол с деревенскими ребятами, купание, загорание, ягоды и грибы... Взять только книжки в библиотеке – и на поезд...

Каждый год, в начале лета, получив увесистую пачку литературы, настоятельно рекомендованную учителем, Степан собирал рюкзак и отправлялся на вокзал. И уже на следующий день:

– Здорово, Стёпушка! Ну и вымахал! Небось, метр семьдесят уже? Рассказывай, как у тебя дела, какие отметки?

– Да чё там... Всё нормально. Книжки вот привёз. Читайте...

– Книжки? Это хорошо. Читать мы любим...

Дед жадно перебирает потёртые издания. Приезд внука был настоящим праздником. Теперь можно читать от петухов до петухов. Любил он это дело. Так-то книги взять негде, вот и приходилось внука дожидаться.

– Ну, что, я пошёл?

– Ступай, милый. Проголодаешься – приходи...

Все последующие летние месяцы дед жадно поглощал содержимое Стёпиных книг. Внук иногда заглядывал через плечо, после чего на цыпочках отходил на очередное мальчишеское мероприятие. Наконец, наступал конец августа, приходило время прощаться. Дед бережно передавал книги и долго-долго смотрел внуку вслед:

– Весь в меня! Понимает: книга – это...

Не в силах совладать с душевным волнением, присаживался на завалинке и закуривал «Беломор». Впереди – целый год. Можно вспоминать и вспоминать прочитанное. Павка Корчагин, Макар Нагульнов... Эх, были люди!

Физрук

Саша любил уроки физкультуры. Особенно гимнастику. Всегда ждал её с нетерпением. Заранее предвкушал, как они с ребятами расставят снаряды, постелят маты...

Наконец, всё готово. Сначала – разминка: энергичная, весёлая. Прыжки, отжимания... И всё с шутками-прибаутками и дружескими подначиваниями.

Учитель физкультуры Николай Львович вызывает Сашу. Первый снаряд – перекладина. Саша легко и непринужденно взмывает вверх. И пошло: «солнце» – оборот за оборотом, перелёт, скрестный перелёт, сальто над перекладиной, ещё несколько оборотов с ускорением и, наконец, соскок. Блестяще!

Саша переходит к следующему снаряду – кольцам. Силовая комбинация: крест... ещё... и ещё... Николай Львович с восхищением наблюдает за любимым учеником. Тройное сальто – и Саша приземляется, как вкопанный.

Идёт к коню. Разбег – прыжок – приземление. И снова великолепно!

Следующий снаряд – брусья. Саша...

– Парень, ты чё? Ходи, давай. Уснул, что ли? Шах тебе!

Саша с грустью смотрит на доску. Увы, это не гимнастика, а игра в шахматы на коржики. И, кажется, их ему в ближайшую неделю не видать. И куда в этого физрука столько лезет?

Хотел было сдать, как вдруг... Увидел комбинацию... Фантастическую... Он жертвует ферзя, затем – ладью, слона и...

Когда Саша объявил мат, Николай Львович долго ничего не мог понять. Давно прозвенел звонок, а он всё сидел и тупо смотрел на доску. Кажется, ближайшую неделю ему обходиться без коржиков.

Симпатия

Прозвенел звонок и ученики быстренько расселись по партам. Контрольная по геометрии. Степан Степаныч неспешно проследовал в класс.

Теорема Пифагора... Степан Степаныч смотрел на склонившиеся над тетрадами головы учеников и недоумевал. И было от чего. Никто из этих деток не задумывался над простым вопросом: почему в теореме Пифагора присутствуют штаны? На каком основании? Ведь штанов во времена Пифагора не было! Они были принесены варварами, и гораздо позже! Таков был их вклад в эллинскую цивилизацию!

Надо сказать, Степан Степаныч любил историю куда больше преподаваемой им геометрии. От учителя истории не требовалось многое из того, что просто необходимо знать учителю геометрии. Например, различия между синусом и косинусом, тангенсом и котангенсом. А ведь были ещё секанс и косеканс, логарифм и прочие премудрости. Однако, вакансия историка была занята и освобождать её никто не собирался.

Размышления прервала самая красивая девочка в классе – Настенька, отличница. Степан Степаныч, избавляясь от наваждения, взъерошил волосы... Попытался отогнать назойливую мысль: «Где мои шестнадцать лет?»

– Я всё написала. Можно, я пойду?

– Иди, ми...

Осекся на полуслове. Он бы сейчас выдал себя с головой!

Однако, со стороны учеников реакции не последовало и учитель успокоился. Но почему-то сделалось грустно. Лучше б она была отпетой троечницей!

Подарок (к истории галереи Уффици во Флоренции)

Солнце пекло нещадно. Жуткая духота теснила дыхание. Бедные собаки... Они лежали в тени с высунутыми языками и боялись пошевелиться.

Джанни пересёк площадь и подошёл к красивой двери. Робко толкнул...

Из прохладного полумрака выступил слуга и пренебрежительно посмотрел на мальчишку:

– Чего тебе?

– Я хотел... посмотреть. Тётя сказала – можно...

– Какая ещё тётя? Ты знаешь, куда пришёл?

Мальчик совсем стусевался. Он знал, куда пришёл. Дворец герцогини Анны во Флоренции знали все. Но она сама его пригласила! Ей так понравились солдатики, что он выстрегивал младшим братьям...

– Джанни, малыш... Пропустите его!

Женский голос был удивительно приветлив. Хозяйка взяла Джанни за руку и они пошли.

Никогда ещё флорентийский сорванец не видел чего-либо подобного. Открыв рот, он шёл по фантастически красивым залам и молчал. А дама поглядывала на него искоса, пряча улыбку в уголках губ, и о чём-то думала. Может, о том, что пусть всё это богатство таким вот мальчишкам и останется?

Чёрный человек

– В чёрном-чёрном городе, на чёрной-чёрной улице, в чёрном-чёрном доме, в чёрной-чёрной комнате, чёрной-чёрной ночью появился чёрный-чёрный человек. У него были страшные глаза и большой острый нож...

От замогильного голоса Стасик сжался под одеялом. Ужас вселился в душу. Он живо представил себе, как дверь в палату ихнего пятого отряда детского лагеря «Орлёнок» со скрипом отворилась и из тёмного коридора качнулось что-то страшное и беспощадное... Распростёрло объятия... Нависло над его, Стасика, койкой...

А Мишка Жмакин неумолимо продолжал:

– Что, боишься меня? Ха, ха, ха... Смотри, какой у меня острый нож! Щас я тебя буду резать...

Захотелось кричать от страха: впереди ждало нечто совсем уж ужасное!

Однако, продолжения не последовало. Видимо, фантазия рассказчика требовала подпитки извне. К сожалению, слушатели проявляли постыдную пассивность и Мишка перешёл к кульминации:

– А-а, боишься... Ну, так умри, несчастный. Ведь я – твоя смерть!

Это был сигнал: в следующую секунду на Стасикову голову обрушивалось что-то мягкое, но увесистое. Битва! Кровавая битва! Удары подушками сыпались отовсюду – только успевай уворачиваться.

Но вот вспыхивал свет и посреди кипящего месива беснующихся сорванцов появлялся заспанный вожатый. Дальнейшее и ежу понятно. Вы же в курсе...

Голубь

Сереза Сидоров из 5«Б» был любознательным, но несколько неорганизованным мальчиком. Например, любил на уроке смотреть в окно. Почему оно так притягивало его взор – непонятно. Но факт остается фактом. И однажды это сыграло с ним злую шутку.

В тот раз на улице происходило что-то особенно интересное. Среди сизых голубей, обитавших на школьном участке, появился один белый и очень красивый. Он расхаживал среди своих невзрачных собратьев и чувствовал себя весьма уверенно.

В это время в соседнем 5«А» был урок физкультуры: мальчики играли в футбол, девочки прыгали через веревку. В мае всегда так. А вот Лена Тимофеева оставила подруг и принялась кормить птиц.

Сереза как замороженный смотрел на белого красавца, на Лену и совсем забыл, что у него сочинение.

Прозвенел звонок. Сереза по-быстренькому написал, что в голову пришло, и отдал тетрадь.

На следующий день учительница вошла в класс и как-то странно посмотрела на Серезу. Было такое впечатление, что она с трудом сдерживает смех. Когда очередь дошла до Серезиной тетради, она не стала ничего говорить, а просто передала ее почуявшему неладное мальчугану. Тот открыл и оторопел. Торопливыми каракулями на листе было написано: «Белый голубь такой красивый а эта Ленка Тимофеева такая глупая и тоже красивая». Знаки препинания отсутствовали, внизу стояла жирная «двойка». И приписано: «Лена Тимофеева – моя племянница. Тебе, дружок, от нее привет».

Закончив школу, затем институт, став крупным учёным, Сергей Иванович любил в минуту отдыха присесть где-нибудь в парке на скамейке и полюбоваться на стаю голубей, нахально снующих в поисках пищи. Особенно хорошо ему было, когда рядом с ним присаживалась и Елена Викторовна – та самая Лена, Лена Тимофеева, которой он столь неуклюже когда-то признался в любви.

Каплидатского короля

Когда Ваня был маленьким, то периодически простужался. И тогда ему давали «капли датского короля».

Вообще-то, это были не капли, а микстура. Сладкая, приятная... Ваня всегда с удовольствием принимал ее внутрь. Есть подозрение, что толку от нее не было никакого, но без нее выздоровление проходило куда медленней и печальней. А так, простудившись, Ваня особо и не огорчался. Ведь сейчас его начнут поить любимым напитком. Кстати, по его понятиям он так и назывался: каплидатского короля. В одно слово.

Ваня рос, взрослел. И однажды вдруг задался вопросом: почему капли? Почему датского? И почему короля? Ответа не было. Поить его этими каплями перестали. Им на смену пришли другие лекарства, гораздо менее приятные на вкус. Но вопрос остался, встав с особой остротой, когда дело дошло до изучения творчества великого английского драматурга по фамилии Шекспир. Кое-что начало проясняться.

Принц Гамлет был из Дании. Отсюда уже было рукой подать до микстуры. Но все же принц – это еще не король! Хотя потенции налицо: Гамлет был натурой ищущей, беспокойной, творческой... Такие непременно становятся королями! Но как все эти качества совместить с лечебным препаратом? Вопрос оставался неразрешенным.

Шли годы. Ваня периодически простужался и иногда вспоминал ту так и не решённую загадку. Заниматься ею теперь было попросту лень и однажды, после очередного заболевания, взрослый уже Ваня решил: «Чем каждый раз мучиться над одной и той же проблемой, лучше вообще не болеть». И стал моржом.

О котах

Это был старый дом. Поколения жильцов сменялись одно за другим, а он оставался по-прежнему теплым и уютным. Поскрипывали половицы, за печкой пел сверчок, в углу теплилась лампада. Ложились рано, но жизнь на этом не заканчивалась. Легкое шуршание и попискивание точно указывало, под чей контроль переходило жизненное пространство. Баланс интересов и свобод граждан, населявших это маленькое государство, неукоснительно соблюдался. И даже хозяйский кот был не в силах этому помешать.

Надо сказать, пушистому мяуке частенько доставалось от хозяйки за лень и слабохарактерность. Кто-то же должен был противостоять мышиному беспределу! Однако, у лежебоки был свой взгляд на это дело и после многочисленных попыток разбудить в нём охотничий инстинкт на него попросту махнули рукой.

Мыши, между тем, совсем обнаглели. И настал момент, когда хозяева поняли: так дело не пойдёт. И принесли в дом другого кота: молодого, агрессивного, равнодушного к мышиным проказам. А старого отнесли племяннице, которая в мурлыке души не чаяла.

Новый кот быстро навел в доме порядок. Мышиному возмущению не было предела, но кого это волнует? За свои выдающиеся заслуги победитель мышиной вольницы стал особо уважаемой персоной и, соответственно, подвергся усиленному питанию.

Добром это не кончилось, потому что вскоре обнаружилось: обузданию мышиному беспределу кот предпочитает лежание на печи. И не просто так, а закрыв глаза на творимые вокруг безобразия. Искать третьего кота? А толку? В общем, махнули рукой и на этого. Благо, мышей пока было не слишком много...

Комбайн

Иван Петрович был изобретателем. Главным его детищем был комбайн для приготовления борща с конечным продуктом в виде тарелка дымящегося супа.

Комбайн вобрал в себя самые замечательные достижения современности. Он занимал три четверти кухонной площади и потреблял количество электроэнергии, сопоставимое с потреблением чулочной фабрики напротив. Так что, когда напряжение в сети падало до неприличного, жители соседних домов уже знали: пришло время обеда.

Агрегат всё делал сам: мыл картошку и свёклу, чистил репчатый лук, крошил капусту, разделявал мясо, солил, перчил, добавлял специи, варил, убирал пену и давал отстояться на холодке. Даже пробу снимал сам, полностью отстранив изобретателя от воздействия на результат.

Всё время, пока шёл процесс приготовления пищи, Иван Петрович лежал на диване и читал газету. Наконец, раздавался звонок и из чрева комбайна выставлялась тарелка дымящегося супа. К этому времени у Ивана Петровича уже давно текли слюнки. Последним движением автомат выдавал порцию сметаны и кусок ароматного хлеба. Он выпекался здесь же, только сбоку.

Иван Петрович привередливо хмурился. Но придаться было не к чему и изголодавшийся любитель свекольной благодати приступал к трапезе. Агрегат подмигивал ему светящимися индикаторами и предлагал добавки.

Иван Петрович, как водится, немного капризничал, но потом сдавался и съедал ещё столько же. А вот попытку комбайна ещё и вымыть посуду насытившийся едок отметал с негодованием. Совесть надо иметь, в конце концов!

Скатерть-самобранка

Арсений Ильич проклинал тот день и час, когда нелёгкая угораздила его приступить к модернизации скатерти-самобранки, доставшейся от бабушки. Рацион предков, выдаваемый древней конструкцией, явно не соответствовал практикуемому ныне меню. Например, никак не удавалось получить порцию морской капусты. А её настоятельно рекомендовал диетолог. Зато репы было хоть отбавляй: и жареная, и пареная, и с малиновым вареньем, и с клубничным. Арсений Ильич пытался втолковать чудо-прибору, что запросы нынче изменились, но всё было тщетно: скатерть продолжала потчевать тем, на что была запрограммирована ещё до монголо-татарского ига. Наконец, терпение Арсения Ильича лопнуло и он взялся за дело.

У скатерти должно было быть слабое место, куда следовало надавить. Изучение с лупой ничего не дало. В лечебно-диагностическом центре, куда он обратился с просьбой просветить скатерть рентгеновскими лучами, ему отказали: подобной опции у них не предусмотрено. Однако, если самому завернуться в эту скатерть, то последующая процедура сойдёт за обследование человеческого организма на предмет обнаружения в нём сторонних предметов. И тогда...

Арсений Ильич разделся, завернулся в семейную реликвию и лёг под прибор.

Первые снимки выявили сразу несколько крупных дефектов. У Арсения Ильича оказался искривлённый позвоночник, нарушенное кровообращение в мочеполовой системе, запущенный энурез, плоскостопие и железы недопустимой величины. Дальнейшие снимки показали закупоренность толстой кишки и прободную язву желудка, о чём Арсений Ильич даже не догадывался.

Профессор уже хотел было приступить к изучению головного мозга пациента, но Арсений Ильич решил, что с него хватит. Лучше есть репу с яблочным повидлом, нежели провести остаток жизни в смиренной рубашке.

О коньках-горбунках

Этого конька-горбунка Палыч выстругал сам, лично. Снял заусенцы, ошкурил... Предыдущего конька они делали на пару с Федотычем, соседом по гаражу. Ох, уж этот Федотыч! И откуда у него руки растут? На полдня оставил его наедине с практически готовым горбунком – и *на* тебе: конёк вышел не только кривоватым, но и на редкость упрямым. Кончилось это печально: на той неделе он ни с того ни с сего закусил удила и, невзирая на крики встревоженного таким поворотом событий Палыча, понёсся в тёмную, клубящуюся облачность. Началось обледенение, закончившееся сваливанием в штопор. Так в землю и вошёл. Не конёк, Палыч. Конёк-то пока падал – отогрелся и из пике вышел, а Палыч, не совладавший с центробежной силой, продолжил движение вниз. Хорошо ещё, местность была болотистая и приземление прошло удачно – в тину.

Больше того конька никто не видел. Куда-то он подевался.

Палыч похлопал нового горбунка по загривку и вывел из гаража. Светило солнце, на небе ни облачка. Самая лётная погода.

Скомандовал: «На взлёт!» Конёк задрожал и рванул с места. У седока захватило дух. Вот это скорость!

Земля стремительно уходила из-под ног. Палыч начал закладывать вираж, как вдруг услышал отчаянный вопль. Сзади сбоку на него заходил... Федотыч. Предыдущий горбунок, отловленный им невесть где, скалил зубы и всем своим видом давал понять, что идёт на таран. А высота – о-го-го!

Палыч пришпорил конька, но силы оказались неравны: нового горбунка было ещё тренировать и тренировать. Это же его первый полёт!

Катастрофа казалась неминуемой, но тут случилось неожиданное. В последний перед ударом миг Федотыч... сдернул с себя очки и водрузил их на одичавшее животное. Конёк-агрессор как-то странно заюлил и прошёл мимо. И только теперь Палыч понял, почему Федотыч уже дважды отрывал бампер его «Жигулёнку» своим «Москвичом». Он же ни фига не видит! Очки-то – для чтения!

Хорошо хоть, вспомнил про свою слабость! Иначе обоим несдобровать.

Возвращение

Иван Звездолётот отключил автопилот и взялся за штурвал. Серверы гидроусилителей отозвались лёгким гудением и у Ивана отлегло от сердца. Сверившись с курсом, дал немного вправо и добавил электронного импульса в основной двигатель. Тот откликнулся лёгкой вибрацией. Прибор дальнего видения сообщил, что конечная цель маршрута – родная Земля – не только обнаружена, но и взята под контроль.

Пора перекусить. К энергозатратам Иван всегда относился с большим вниманием, а сегодня уже поработал на славу: как умственно, так и физически. Да и прибор, отслеживающий энергопотери, приближался к критической отметке.

Съев свежесинтезированное яйцо и запив его свежевзбитым коктейлем, открыл холодильник, чтобы взять свежеприготовленное мороженое. Морозильная камера засветилась оранжевым светом, что означало поздравление с праздником. Иван взглянул на календарь и в тот же миг осознал нависшую над ним опасность. 1 января... «Ну, попал!» – подумал Иван и настроение сразу испортилось. Перед ним во весь рост встала перспектива застрять на околоземной орбите на десять суток. Праздники, однако...

Без особой надежды на успех вызвал командный пункт. После некоторой паузы на том конце сняли трубку и старческий голос прошамкал:

– Никого нетути, касатик. После праздников приходи...

Иван закричал, что у него кончается горючее, что он два года не был дома и вообще мечтает полежать на диване перед телевизором. На том конце вышла заминка. Видно, слово «телевизор» произвело магический эффект. Старушка, невесть откуда взявшаяся на командном пункте дальней космической связи, поставила ведро, швабру и, обтерев руки полкой халата, взяла трубку снова:

– Никого нетути, касатик. Говорю ж тебе – после праздников приходи.

– А Главного Межпланетного Диспетчера можно вызвать? – завопил Иван.

– Да где ж я тебе его возьму? Он уже неделю, как на Венере... Новый год встречает... И все остальные – там же. Как указ вышел: диспетчеров за пределы солнечной системы не выпускать – они только туда и шастают (тьфу ты, господи, креста на них нет!). А ты, милоч, чё такой нервный? Ты отдыхай покамест. Это мне, старой, дома не сидится. А ты, видать, молодой ещё. Вот и отдыхай. В старости наработаешься...

Поняв, что никакого толку от разговора с уборщицей не будет, Иван перевёл двигателя в режим ожидания и выключил свет. Впереди были десять дней отдыха.

Из звёздного далека

Продираясь сквозь звёздные туманности, «Байкал-5» приближался к Земле. Заканчивалось Первое Сквозное Путешествие (знаменитый «Сквозняк») к самым отдалённым уголкам Нашей Вселенной. Экспресс-вожж имел целью подтвердить несомненную значимость и безусловную необходимость дальних космических путешествий. По пути следования были открыты порядка двадцати чёрных дыр (одну из которых обследовали в научно-познавательных целях) и не менее десяти белых карликов. Космолётцы подружились с обитателями дальних приграничных областей, нанесли ряд дружественных визитов в соседнюю Галактику.

Командир Демьян Ухов сумел провести через все препоны свой изрядно потрёпанный гравитационными бурями и солнечными ветрами корабль и теперь он на огромной скорости приближался к родному очагу. Как-то встретят их родные и близкие?

Чем ближе была Земля, тем сильнее Демьян предвкушал заслуженный отдых. И как же будет здорово сбросить надоевшие звездоступы, побегать по утренней росе на речку, забросить удочку и таскать... таскать... таскать уклеек и подлещиков. А потом сварить из них уху и потчевать ею товарищей по космическим подвигам. А дома его будет ждать та, которую он вспоминал долгими, бессонными ночами. И как же она будет счастлива и горда за него – героического покорителя Вселенной!

С Земли сообщили, что Главный космодром в настоящее время закрыт для прилетающих (идёт переоборудование для приёма тяжёлых транспортников с созвездий Тау Кита и Альфа Центавры) и «Байкалу-5» надлежит садиться в соседнем районе, в полутора тысячах километрах северо-восточнее, в урочище Бальран. Ну, и как-то добираться до Штаба Межзвёздных Коммуникаций.

Сообщение на обрадовало. Бальран – это такая дыра! Там и цивилизации-то никакой. С другой стороны, может, оно и к лучшему? Всё-таки, природа. Кстати, говорят, там рыбная ловля отменная. Когда «Байкал-2» в Бальране приземлился, экипаж потом долго не могли отыскать. Оказалось, вместо того, чтобы поймать попутку и срочно прибыть с отчётом в ШМК, они всей командой завалились на рыбалку и прекрасно провели несколько дней на природе. Скандал, конечно, вышел немалый, но ребят можно понять.

Корабль вошёл в плотные слои атмосферы, немного поманеврировал и пошёл на посадку.

Бальран встретил хорошей погодой и чудесной природой. Демьян увидел, как загорелись глаза у членов экипажа при виде тихой речки, текущей среди склонившихся ив, и не стал вызывать служебный транспорт. В небольшом терминале обзавелись всем необходимым и очень скоро не было на свете никого счастливее этих мужчин, соскучившихся по утренней тишине, прохладному воздуху, упругому подёргиванию удочки и дымку костра с водружённым на него котелком.

Время пролетело незаметно и отдохнувшие, повеселевшие космические странники отправились сначала в ШМК, а затем и по домам. Там их уже заждались.

В сильном душевном волнении приближался Демьян к родному очагу. Сейчас он увидит её – единственную и неповторимую. Как же она соскучилась!

Дверь распахнулась. На пороге стояла она: божественно прекрасная и бесконечно желанная. В одной руке – чемодан, в другой – домашние тапочки. Его чемодан, его тапочки...

Демьян понял всё и сразу. На «Байкал-6» как раз заканчивалось формирование экипажа.

Реальность бытия

Николай Петрович пребывал в прострации. Воскресенье... За окном слякотно, идти куда не хочется. Включить телевизор? От него болит голова. Радио? От него болят уши. Газету почитать? Придётся спускаться к киоску, тратить силы...

Сомкнул глаза и закемарил.

Что-то толкнуло. Открыл глаза.

Перед ним – странный человек в лёгкой накидке, с коротким мечом на боку. Сам – мускулистый, загорелый, словно только что из спа-салона. Взгляд пронзительный – аж мороз по коже...

Незнакомец нахмурился:

– Долго ещё спать будешь?

– Кто, я?

Мужчина взялся за меч и Николай Петрович испугался. Что за перец?

– Уважаемый, вы кто?

На скулах незнакомца вздулись желваки:

– Я – император Рима!

– А я?

– А ты – ничтожный вождь дикарей-гуннов, посягающих на спокойствие моих территорий!

Николай Петрович огляделся вокруг. Вроде, всё, как прежде: стол, стул, телевизор... Но мысль, что его принимают за вождя, понравилась. Плечи распрямились, подбородок поднялся. И вообще он стал выше ростом:

– Твоих территорий?

Даже сам удивился надменности своего голоса. Но император сбавил тон:

– Ладно, ладно... Давай полюбовно: ваши не лезут на мои территории, а я...

– ?

– Короче: миллион талантов!

Николай Петрович открыл рот. Ему хватило бы и одного! Хотел что-то сказать и... проснулся.

Эх, хороший день – воскресенье. Так бы спал и спал...

Чистилище

В конце первого квартала, как обычно, в ЖЭКе №5 состоялось общее собрание. Обсуждение обещало быть долгим и кое-кто закемарил. Всё шло своим чередом и после подведения итогов перешли к главному вопросу: распределению бесплатных путёвок в период летних отпусков.

По традиции, ехать в Турцию выпало начальнику, Ивану Петровичу, секретарша Ниночка довольствовалась Хургадой, а Егору Кузьмичу выпала Тверская область, санаторий для выздоравливающих. Егор Кузьмич согласился.

В санатории было скучно. Наконец, объявили экскурсию в одно место. Но предупредили: не долечившимся туда лучше не соваться. Отправились все.

Большая лодка приняла на борт всех желающих и поплыла вниз по течению. В одном месте река раздваивалась и экскурсовод (он же рулевой) направил лодку в протоку, заросшую водорослями и кувшинками. С берегов свисали густые ивы и плыть было нелегко. Наконец, показалась пещера, в которую лодка и устремилась.

По мере продвижения внутрь свод становился всё ниже и ниже, пока всем не пришлось лечь на дно. И после некоторого блуждания вслепую лодка куда-то провалилась, перевернулась и Егор Кузьмич остался один.

Место, где он оказался, являло собой гигантское подземелье. На песке под скалистыми сводами суетились какие-то люди, горел костёр, булькал чан с кипящей водой. Егор Кузьмич выбрался на берег и решил обсушиться, для чего присел поближе к огню. Человек в белой простыне ободряюще улыбнулся. Двое других помогли избавиться от мокрой одежды, но вместо того, чтобы развесить её посушиться, бросили в костёр. Что несколько озадачило: предстояло же возвращение! Наконец, тот, что постарше, предложил Егору Кузьмичу... лезть в чан. Мол, это чистилище... Без этого нельзя!

До Егора Кузьмича стало доходить, что дело нечисто. Огляделся по сторонам и... почувствовал, как его подхватили, подняли в воздух и понесли... В кипяток!

Егор Кузьмич заорал благим матом и... проснулся. На него в упор смотрел начальник, Иван Петрович:

– Так ты что, отказываешься от путёвки?

– Да – только и молвил пришедший в себя слесарь-сантехник.

Беня и самолёт

Беня был счастлив. И вы догадываетесь, почему. Сначала он долго-долго был несчастлив, а потом всё изменилось. Что было тому причиной? Ну, как же: Беня сел в самолёт и полетел. И вы догадываетесь, куда.

Беню никто не провожал, но какое-то время сопровождал. Скажете, так не бывает? Это потому, что вы не Беня. А Беня уже много лет ничему не удивлялся. В этом было его огромное преимущество перед теми, кому Бенино присутствие доставляло массу неудобств, в основном сводившихся к неразрешимому вопросу: почему Беня ещё здесь? Наконец, внутренний голос шепнул: «Пора!» – и Беня сдал багаж.

Встретили его, как родного. И теперь пришёл черёд удивляться ему. Сначала – почему он так долго не садился в самолёт. Потом – что бы с ним стало, если бы он так и не решился. Ну, и со временем, после того, как отпали все второстепенные, остался главный вопрос: в чём же, собственно, заключается его, Бенино, счастье? Где оно?

Он долго над ним думал, а потом понял: его счастье – в самолёте. Там оно и осталось. А всё остальное – сначала долгий-предолгий пролог, потом – долгий-предолгий эпилог. И уже совсем скоро некролог. А самолёта уже не будет. Того, Москва – Вена. А жаль...

Александрийская библиотека

273 год нашей эры.

Александрия горела. Разгулялся ветер и ревущее пламя в мгновение ока пожирало дома и дворцы, храмы и общественные здания.

Императорская пехота остановилась в своём безжалостном продвижении вперёд. Воины опустили окровавленные мечи. Оказывать сопротивление было некому.

Император Аврелиан молча смотрел, как исчезает в пламени великолепный город. Всё кончено, восстание подавлено. Можно возвращаться в Рим. Он уже хотел было отдать приказ о всеобщем сборе, как вдруг несколько командиров принялись что-то горячо обсуждать. Аврелиан нахмурился. Всё стихло.

Кассий Левий быстро подошёл к императору. То, что он произнес, заставило Аврелиана задуматься. Речь шла о библиотеке, о которой когда-то говорил его учитель – философ Зиновий.

Сочетание имён позабавило. Царица Зенобия – философ Зиновий. Не вразумил, значит, Зиновий Зенобию, коли та подняла восстание против него, Аврелиана. А ведь мог бы и постараться.

Приступ необъяснимой злобы стеснил дыхание и Кассий Левий, ожидавший приказ о защите библиотеки, услышал короткое: «Сжечь!» Впрочем, здание уже и так занималось огнём.

Толпа приближалась. Крики ярости, злобы... Сейчас начнётся!

Люди, вставшие в живую цепь вокруг современного здания Александрийской библиотеки, взялись за руки. Это были простые египтяне, которые не читали Гегеля и Ницше, Маркса и Канта. Но они знали, что вот так же много веков назад злоба и ненависть легко и просто уничтожили всё, что поколениями, по крупице, создавалось разумом человека. И что из этого вышло...

В эту цепь вставляли всё новые и новые египтяне. И в какой-то момент они почувствовали свою силу, поняли, что выстоят. Поняли это и в беснующейся ещё минуту назад толпе, которая начала расходиться.

Шла весна 2011 года.

Саладин

– Э-ге-ге-е-е-й...

Внизу, насколько хватало глаз, простиралась равнина. Маркиз де Труа спрыгнул с коня и подошёл к краю обрыва. Солнце нагрело камни, пространство внизу заволокло полуденным маревом. Сзади подступили товарищи, с которыми он делил все тяготы долгого пути. Осталось пересечь эту равнину. Там, за синеющими на горизонте горами, цель их похода – Иерусалим. Взять его и...

Что делать дальше, маркиз не знал. Да и никто не знал. Если только аббат Жене, но де Труа не очень-то интересовали планы святого отца на будущее. К тому же, город укреплен и взять его будет нелегко. А значит, опять битва: яростная, кровавая, каких немало уже случилось на пути в эту экзотическую страну. И будут слава, богатая добыча и продолжительный отдых.

Направившие сзади крестоносцы загалдели, указывая пальцами вдаль. Там разрасталось пыльное облако. Что это? Буря? Однако, в облаке стали угадываться кони, люди... Неужто Саладин?

Маркизу стало не по себе. Вот уж с кем ему не хотелось бы встречаться. Нет, маркиз не был трусом, но Саладин был непобедим. Сколько доблестных рыцарей уже никогда не вернутся домой после встречи с ним...

Но что же делать? Цель близка, но уже не кажется чем-то легко достижимым. Саладин всегда появлялся там, где его не ждали, и наносил удар, которого не выдерживал никто. Повернуть назад, пока не поздно? А как же слава? И с чем он вернется на родину? После долгого похода в кармане ни гроша...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.